

МИХАИЛ
КЛИМОВ
ДРУГАЯ
ДВЕРЬ

Михаил Климов

Другая дверь

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9009590

Другая дверь: Водолей; М.; 2015

ISBN 978-5-91763-241-4

Аннотация

Название «Другая дверь» дано этому сочинению потому, что книга является продолжением (которое можно читать и отдельно) романа «Старый дом», вышедшего в «Водолее» в 2014 году. В ней, как и в предыдущем романе, переплетены настоящее и прошедшее, любовь и ненависть, приключения и путешествия – во времени и пространстве...

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	23
5	29
6	34
7	40
8	46
9	52
10	58
11	64
12	70
13	76
14	82
15	88
16	94
17	100
18	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Михаил Климов

Другая дверь

© М. Климов, 2015

© М. и Л. Орлушины, оформление, 2015

© Издательство «Водолей», оформление 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

И ничего-то у него не получилось...

Слава сидел в ресторане с ослепительно белыми скатертями, с ослепительно улыбающимися официантками, с ослепительно начищенной металлической посудой и люстрами, даже фотографии с видами старого Берлина, хоть и были монохромными, каким-то образом выглядели ослепительно... В общем, всё здесь было ослепительным, кроме его настроения. Он меланхолично ел вкуснейший суп с лисичками, меланхолично взглядывал по сторонам, даже фотографии по стенам с видами старого Берлина казались ему меланхоличными...

Конечно, это был тот самый ресторан «Клаузевиц чего-то» на Лейбницштрассе, в котором пару месяцев назад, если точнее, то пару месяцев и сто лет назад, он должен был встретиться с Володей, Маринкой, Андрюшей и Анечкой.

Должен был, но так и не встретился...

Прохоров меланхолично отметил, что чуть ли не впервые в жизни, перечисляя для себя своё семейство, поставил впереди зятя, а не дочь. Может, потому что тот был реальным главой семьи, может, потому что за последние месяцы не раз и не два Слава имел случай убедиться в выдающихся умственных способностях Горностаева и исполнился к нему большого уважения.

Можно даже сказать, почтения...

Володя же не виноват, что потомки у него такие унылые люди без малейшего признака фантазии. Они с ослепительной (да чтоб ему пусто было, всему ослепительному) улыбкой выслушивали своего непонятого нового родственника, вежливо улыбались, но как только ты отворачивался, нет, даже просто отводил глаза на секунду, возвращались к своим делам, немедленно забывая о твоём существовании...

Даже Джон, которому сам Бог велел (всё-таки человек занимается переводом книги своего прадеда и должен хоть что-то понимать) не верил своему новому родственнику ни на одну секунду.

И предстал этот новый родственник, то есть всё тот же Прохоров, пред всеми своими восемью наследниками (плюс старшие, плюс младшие, так что их было) чудаковатым придурком.

А может и надоедливый, сумасшедший клоуном...

Ничем не лучше...

Слава скользнул глазами по сторонам, печально проводил глазами мелькнувшую за окном ослепительную чёрную тачку немыслимых размеров, грустно усмехнулся тому, с каким терпением внушала что-то ослепительная официантка явно бестолковому длинному очкарику, и меланхолично вернулся к своим почти закончившимся лисичкам и бесконечной меланхолии...

И как, скажите, можно было доверить идиоту (будем на-

зывать вещи своими именами) или сумасшедшему клоуну «гулять по улицам с маленькими детьми, водить в музей тех, что постарше, составить кому-нибудь из взрослых компанию, если соберется куда-то ехать»...

Никак...

А ведь именно так Прохоров мечтал влиться в новую семью, пригодиться новым родственникам каких-то пару месяцев назад, и именно так всё не сбылось...

Что-то ещё было в том списке возможностей, которые он в уме перечислял тогда, прикидывая, на что способен и чем может быть полезен.

Ах, да... «воспитывать детей Джона и Надин», но до этого пока далеко. Жили они уже вместе, Надин перевелась из одного университета в другой и переехала к своему бой-френду, но о детях никаких даже намеков не поступало. Оба, как понял Слава, хотели сначала доучиться, сделать карьеру, а только потом подумать о продолжении рода...

Ну что ж, правильно...

Только тошно...

Официантка, ослепительно улыбаясь, унесла наконец-то закончившиеся лисички и через пару минут притащила что-то явно мясное, вкусно пахнущее и отлично выглядящее. И от этого ещё больше тоскливое.

Прохоров никогда не был гурманом, просто любил вкусно поесть, но никаких особенных неудобств по поводу отсутствия консоме, пережаренного лангета или слишком жирно-

го фрикасе никогда не испытывал. Разве только возникали и довольно часто медицинские проблемы в связи с изношенностью на советских хлебах желудочно-кишечного тракта.

А тут, после бегства в Берлин...

... а как назвать ещё его срочный фактически в никуда отъезд из Бостона? Бегство, самое настоящее, и Берлин оказался конечным его итогом только потому, что в Москве, ясно было, как Божий день, будет ещё хуже и тоскливее... Ведь там всё будет напоминать о Маринке, внуках, Володе и, главное, Наде...

Так вот, после бегства в Берлин, и дел-то у него никаких не было. Вообще. Сходил по местным книжным аукционам, отметил то, что его могло интересовать на ближайших торгах, да только зачем ему теперь всё это? Денег, как у дурака махорки, а тратить не на кого и не на что...

Прогулялся три раза по Кудаму – сколько ещё можно?

И вот уже шестой или седьмой раз заседает здесь в «Клаузевиц», потому что точно знает, что тут вкусно и что для его желудочно-кишечного безопасно...

Когда-то давно ещё была отличная забегаловка в переулке возле Оливаерплатц, где за восемь марок приносили литровую кружку пива, огромный айсбайн, плюс три горы рядом – капуста, картошка, горох.

Только где теперь забегаловка вместе с дойчмарками?

Да и из пяти ингредиентов того кушанья можно было сегодня Прохорову только два – мясо да картошку. Он бы и

на это согласился, да только после введения евро всё в Германии дешёвое стало дорогим, а то, что дорогим не стало, просто умерло...

Вот и сидел он сейчас в дорогом (и тогда недешёвом) ресторане, ел вкусную пищу (личное меню было также составлено в далекие годы и с тех пор не менялось) и тоскливо глядел в окно.

Настроением своим Прохоров был недоволен, однако справиться с ним никак не мог. И недоволен был потому, что напоминал себе старика из старого анекдота. Того, ещё при совке, поймали иностранцы и спросили, когда было лучше – сейчас, при победившем социализме, или при царе.

– Конечно, при царе... – честно ответил старик.

– А почему при царе? – обрадовались такой откровенностью проклятые империалисты.

– А при царе у меня ещё стоял...

Вот и чувствовал себя Слава таким стариком, которому всё не нравится, потому что пора, когда у него стоял, уже давно прошла...

Пискнул лежащий на столе телефон, Прохоров, скривившись, взял трубку и тоскливо взглянул на экран. Ничего, кроме очередной рекламы, он не ждал, писать ему теперь было некому.

Кончились корреспонденты...

Но на этот раз Слава ошибся.

Потому что надпись на мониторе гласила:

«Перевод закончил. Посылаю тебе черновик, жду замечаний. С наилучшими пожеланиями, Джон».

2

Прохоров, с удивлением разглядывая письмо, поднял руку и покрутил ею в воздухе, а потом несколько раз наклонил кисть вперед, как будто держа невидимую ручку. Теперь, он точно это знал, через пару секунд у его стола возникнет ослепительно улыбающаяся официантка и спросит:

– Билль?

– Билль... – кивнет он и ещё через пару, на этот раз минут, ему принесут счёт.

За всем за этим – поднятыми руками, секундами и минутами – следила хозяйка. Тощая старуха, отлично ухоженная и дорого одетая, она постоянно торчала на рубеже ресторанного зала и большого вестибюля.

И чем бы ни занималась, видела всё...

– Билль?

– Билль... – кивнул он.

И опять уставился на монитор. Даже нажал на специальную кнопочку, чтобы экран, выключившийся через положенное время, загорелся опять. Плевать Прохорову было на экономию аккумуляторов – тем более, что при покупке этого, последнего аппарата одним из главных его свойств была как раз длительность зарядки – важнее понять, что собственно произошло.

От Джона никаких писем он не ждал, что называется, в

первую очередь. Потому что ещё в Бостоне, когда тот пытался показывать свои попытки перевода, вышел у них со Славой некоторый скандал, после которого была договоренность, что Джон теперь представит своему «прапра» только законченную работу и лишь тогда выслушает все претензии и замечания. Прохоров, правда, был уверен, что это – такая вежливая форма посылания подальше и поэтому страшно удивился, увидев письмо...

А по какому поводу скандал?

Как ни странно – по филологическому...

Слава, не имея ни малейшего представления о филологии как науке, сцепился со своим потомком, который был студентом, аспирантом, магистром, бакалавром (нужное подчеркнуть, Прохоров так и не смог разобраться в непонятной иерархии) этой дисциплины. Произошло сие, когда наш герой встретил в тексте перевода фразу «Когда свинья полетит». Он попросил у Джона оригинал, прочёл ожидаемое «When pig fly» и попробовал объяснить «переводчику», что это как раз такой редкий случай, когда в двух языках имеются полные соответствия одной идиомы другой. Не надо махать руками, про идиомы Прохоров помнил из институтского курса литературы, точно так же про «When pig fly» из занятий английским в том же институте.

Так вот, когда он сообщил Джону о выражении «Когда рак на горе свистнет», являющемся в русском языке полным аналогом английской присказки, а именно несущим тот же са-

мый смысл «никогда», тот почему-то заупрямился и стал доказывать, что раз так написано по-английски, то и переводить надо текст.

– Смысл... – не согласился Слава.

– Текст... – настаивал потомок.

– Смысл...

– Текст...

На том и разошлись...

Прохоров поднялся, оставив на столе положенные десять процентов к счету, и двинулся на Оливаерплатц. По дороге надо было решить – брать такси или лучше прогуляться.

Гостиница была примерно в пятистах метрах от ресторана, и вай-фай там был, и ноут в номере валялся. Но ещё сидя в ресторане, Слава решил, что прямо к себе не отправится. Потому что текст, который предстояло прочесть, был не маленький (по-английски наш герой пробовал читать роман, но сдался на второй странице), а если он на компе, то значит, наш герой привязан к своему номеру, не таскать же ноут с собой. Всего-то полтора килограмма, но Прохоров хорошо помнил, как три с небольшим килограмма карабина СКС отрывают руку после двухчасового стояния на посту. А ведь в армии он служил сорок с лишним лет назад и был тогда в три раза моложе, в пять раз сильнее и в десять раз здоровее.

Но и сидеть там, в гостинице, даже читая интересную книгу, было уже просто невыносимо, поэтому приходилось изобретать себе дела в городе.

И нужно просто купить ридер, чтобы праздник, тьфу, ты, роман, конечно, был у нас всегда с собой.

Слава был не большой любитель всей этой новомодной техники, но и «не бросался с вилами на компьютеры», как говаривал зять, а признавал её полезность в некоторой степени и в некоторых ситуациях. И сейчас хорошо понимал, что вот настала пора купить и эту, опять же по Володиному выражению, «приблуду» и опробовать её на себе.

И хотя найти её можно было в десяти местах – на самом Кудаме, да и вокруг в улочках и переулках было немало магазинчиков, которые торговали электроникой, Прохоров поймал такси и поехал на Кайтштрассе.

Вполне возможно, что улица называлась и Кейтштрассе, Слава так и не смог запомнить, как правильно читается в современном немецком сочетание букв «ei». А все потому, что, собираясь первый раз в Германию лет двадцать назад, решил выучить язык по старинному учебнику, случайно оказавшемуся под рукой. А когда уже приехал в Гамбург (первый свой немецкий город) выяснилось, что это самое сочетание букв читается сегодня не так, как сто лет назад. Только вот какой именно вариант правильный Прохоров запомнить не смог.

Он подошел к стоянке, сел в первое такси и буркнул:
– Кэйтштрассе...

...старательно изобразив что-то среднее между «а» и «е». Но водила понял, и они тронулись.

Ехать было недалеко, километра два с половиной (пото-

му и рассматривалась возможность прогуляться пешком), и по дороге Слава видел, по меньшей мере, семь подходящих магазинов. Но выбрал он именно тот, к которому ехал, по весьма простому поводу: рядом был антикварный, в котором когда-то работал русский парень по имени Василий.

Магазин этот был не книжный, торговали тут «вещизмом», как говаривал один московский дилер, явно брезгуя всем, что «не книги», поэтому бывал здесь Прохоров редко, но хорошо помнил, как Василий помог ему несколько лет назад с покупкой телефона в рядом, дверь в дверь расположенном магазинчике электроники. Старый вдруг глюкнул, но с подачи и с перевода соседа услужливые немцы не только подобрали Славе подходящую модель, но и смогли реанимировать инвалида ровно на такое время, которое позволило перенести его память на новый аппарат.

Вот и сейчас нашему герою нужен был толмач, который смог бы объяснить не знающим ни слова по-русски немцам, какие у клиента требования к приобретаемому гаджету (слово это попало Прохорову в рекламе, и он знал, что так обозначают всякую электронную хрень). Требования у Славы были простые – длительность зарядки, минимальные функции, связанные только с чтением, но он знал, что именно это всю ситуацию и усложняет. Все привыкли, что покупают обычно новое и максимально навороченное, и объяснить, что ничего этого тебе не надо, при не самом лучшем английском нашего героя, было почти невозможно.

Такси, наконец, свернуло в нужную улицу, Прохоров ткнул в нужный магазин пальцем.

– Хна... – сказал он по-английски.

Водила понял и остановился.

Слава Богу, Василий здесь ещё работал, потому что он стоял на пороге магазинчика и курил.

3

– К нам, Вячеслав Степанович? – улыбнулся он.

Вообще-то, в их антикварном мире почему-то стойко держалась традиция обращаться друг к другу на «ты» и по имени. Только конченый «ботаник» или реально интеллигентный человек, типа Володи, употребляли другие формы и формулы. Но здесь в Берлине был другой случай.

И дело не в географии, мол, тут у немцев другие традиции, а Вася никогда в России не работал, приехал сюда в Германию пацаном и в наших обычаях был не осведомлен. Просто много лет назад, когда он только познакомились, Прохоров, сам того не желая, спас Василия от серьезного залёта. Бывает такое в практике любого магазина, что при написании (а последнее время чаще в напечатывании) ценника теряется один ноль и вещь дешевет до десяти процентов. Кто в этом виноват – владелец магазина, продавец или некто третий, кто писал (печатал) бирку – обычно выяснить не удается. Но если торгует сам хозяин (или хотя бы присутствует при этом), то ошибка исправляется быстро, к явному неудовольствию потенциального покупателя, конечно. А вот если такую сделку совершает неопытный продавец, то дальнейшая судьба его зависит от степени злобности владельца магазина и его отношения к своему персоналу. Нормальный человек прощает всё, хотя и сильно ругается, обычный персо-

наж требует выплаты разницы в рассрочку (предварительно дав большую скидку), какая-нибудь гадина выставляет полный счет и времени на собирание денег дает один день.

Видимо, такая вот гадина и стояла в то время за спиной Василия, потому что когда Прохоров сказал, что продаваемый какому-то американцу предмет (Слава уже не помнил, что это было, только не книга, скорее живопись) не может стоить так мало, продавец после звонка хозяину, игнорируя злобный взгляд несостоявшегося покупателя, рассыпался в благодарностях. И не забыл теперь вот уже пятнадцать лет тот случай, величает по имени-отчеству и вообще... Как помнилось Прохорову, разница в ценнике была немалая – тысяч в сорок марок.

– И к вам тоже... – пришлось сказать Славе.

Было бы сущим хамством обратиться с просьбой к Васе, даже не попытавшись что-то у него купить.

И он купил, причём два предмета. Один – просто курьёзный и никогда раньше не виданный. Представьте себе сравнительно толстую, сантиметра два в верхней части, деревянную трость, просто голую, без всяких украшений и инкрустаций, с загибающейся ручкой, чтобы было удобно на неё опираться. Но если нажать на маленькую кнопку под кривой ручкой, а затем эту самую ручку чуть повернуть, то прямая палка отстегивалась, а на том месте, где она была, возникал тонкий и острый стилет или кинжал. В названии таких предметов Прохоров разбирался слабо, но хорошо понимал, что

на самолете с ним теперь не пролетишь, да и на вокзале могут что-то заподозрить, однако купил всё-таки.

По двум причинам, как ему казалось. Во-первых, никуда ни лететь, ни ехать он пока не собирался. Во-вторых, вещь необычная, таких он прежде не встречал, да и дешёво. Василий отдал за сто пятьдесят евро, а Слава хорошо понимал, что если когда-то окажется в Москве, то легко и понятно, у кого получит минимум тысячу долларов. Один к пяти – это немало, Маркс, что ли, говорил, что капиталист за такой процент продаст родную мать, только какой из Прохорова капиталист?

Была ещё третья причина, о которой наш герой старался не думать и всячески гнал её от себя. После своего визита к «американским родственникам» он как-то сдал, ходить ему становилось всё труднее, прогулки, которые он так любил всю жизнь, становились всё короче. Видно вынули восемь наследников и иже с ними что-то важное из его внутреннего устройства, как-то надломилась (или вот-вот надломится) его психика, и станет он уже настоящим стариком. А тут трость, не палка стариковская с прямой ручкой, а нечто для моционов джентльмена... Да ещё приятно в руку легла и как-то позвала пройти по бульварам. Нет, бульвары это, конечно, в Париже и в Москве, а здесь Кудама, с полосой деревьев между двумя рядами асфальта, но это ведь ничего не меняет, правда?

Второй предмет был ещё забавней. Почти автоматиче-

ски Прохоров протянул руку и пересмотрел нетолстую пачку книг, лежащую на прилавке. Магазин, как уже сказано было выше, книгами не торговал, специализировался на живописи и мебели. Но, видимо, где-то на адресе был приобретён шкаф или письменный стол, а в их глубине обнаружилось несколько книг – не выбрасывать же?

Но и звать знакомого книжника на подобный хлам неудобно, потому что поблизости таких магазинов не было, значит надо специально приглашать, а это, в свою очередь, значит, что, если ничего не будет куплено, он с тебя имеет «гут», то есть ты ему должен услугу. Ну и зачем всё это, раз и так понятно, что говорить тут не о чем?

Но это кому как...

Потому что Слава в середине пачки обнаружил тонкую книжицу и с некоторым трудом из-за витиеватого шрифта, но прочитал имя автора – Америго Веспуччи. И слово в названии одно разобрал, хотя латинского не знал – «navigationes».

А еще год 1507.

Прохоров приоткрыл последнюю крышку, отметив про себя, что переплёт цельнокожаный и хорошего качества, и посмотрел цену – 100 евро.

– Репринт... – извиняясь, развёл руками возникший из-за его спины Вася. – Начало двадцатого века... Наверное, к 400-летию издали...

Вот тут возникла у Славы одна, казалось бы, трудная,

но на самом деле для профессионала легко разрешимая морально-нравственная проблема. Он-то прекрасно видел, что перед ним не репринт, а оригинал. Бумага явно тряпичная, а такую делали или очень давно или для очень малотиражных библиофильских книг начала двадцатого века. Цельнокожаный переплёт тоже что-то значил – какой идиот будет тратиться, чтобы одеть обычный репринт в дорогую одежду. То, что такой репринт существовал, Прохоров помнил по единственному случаю в своей жизни. Много лет назад он в какой-то куче купил и такую вот брошюрку. И обрадовался, решив, что держит Бога за бороду, потому что в доступных каталогах нашлось только одно предложение: четвертое немецкое издание стояло за 19 000 фунтов. А на титуле того, что он держал тогда в руках, никаких упоминаний о новом издании не было, да и год был на четыре или пять лет раньше каталожного.

Кто тогда, а было это почти сорок лет назад, объяснил Славе разницу между веленовой бумагой и тряпичной, он уже не помнил, но с тех пор точно знал, что в шестнадцатом веке первый вариант не использовался – просто ещё не умели делать. Однако тут было совсем другое дело, даже если тряпичная бумага была специально изготовлена для этого издания (а с чего бы, ведь не десятиэкземплярная часть тиража какого-нибудь Аполлинера с гравюрами Пикассо), то всё равно – шрифты плясали, как и положено для такого раннего периода, и кустоды были неполными – всё указывало на

то, что перед нами оригинал.

А морально-нравственная проблема решалась в их мире очень просто. Если ошибка в цене была следствием технической накладки, как в случае с недостающим нулем, или если марка на фарфоре заляпана грязью, а вещь только что куплена, и хозяин её помыть не успел – ты обязан был поставить его об этом в известность и выслушать реальную цену. А вот если ошибка проистекала от незнания – например того, что клеймо «SW», почему-то не упомянутое в книге Постниковой-Лосевой, принадлежит одному из мастеров Фаберже Стефану Вякеве или что Сири́н – это псевдоним Набокова, то это уже проблемы продавца. Читай, учись, запоминай...

Поэтому Прохоров без всякого сомнения и малейшего зазрения достал ещё сто евро и расплатился.

Приобретение же ридера при Васиной помощи прошло быстро и хорошо: куплено было именно то, что хотел Слава, за осмысленные деньги, и он, помахивая тросточкой, отправился, наконец, домой, читать книгу зятя.

4

«Если бы кто-нибудь из стоящих на набережной Генуэзского порта 19 октября 1913 года обратил внимание на семью из четырёх человек (мистически настроенный читатель задумался бы над датой и заулыбался бы сочетанию «семь из четырёх»), но мы, поскольку совсем не мистики, этого делать не будем), то заметил бы в их поведении нечто не очень привычное.

Во-первых, семью эту никто не провожал, что навевало мысль об эмиграции, когда все остальные родственники уже уехали и проводить-то некому.

Но для такого навевания, и это во-вторых, оказывалось, что у семейства слишком мало багажа. Конечно, вполне возможно, что основные тюки, баулы и чемоданы были загружены на судно раньше, тем более что пассажиры наши проследовали в каюты (именно так, семья заняла две каюты, а не одну, что для такого состава вполне и даже с лихвой хватило бы, и это было в-третьих) первого класса.

Но тогда возникала другая проблема – для такого варианта багажа оказывалось слишком много. Три больших саквояжа плюс две небольших сумки с помощью двух стюардов были быстро и почти аккуратно подняты на борт. Но ведь это означало, что никакой предварительной погрузки багажа не было. Вряд ли очаровательная мадам, слегка перешедшая

тридцатилетний рубеж, явная жена отца семейства и мать двоих не менее очаровательных детей, в последний момент вспомнила, что забыла ещё восемнадцать платьев и пятьдесят две пары туфель...

Четвертой странностью был сам корабль, на котором обратившие на себя внимание пассажиры собирались отправиться в плавание. Построенный в 1883 году двадцатифутовый трехмачтовый пароход «Duca de Galiera», берущий на борт девяносто восемь пассажиров первого класса, сто восемь второго и семьсот восемьдесят четыре третьего, когда-то был кораблем, ну если не экстра, то уж, несомненно, первого класса.

Однако, похоже, лучшие времена его довольно давно миновали. Тридцать лет нещадной эксплуатации, плюс многократная штормовая Атлантика, а ходил корабль все эти годы из Европы в Южную Америку, сделали его почти убогой посудинкой, сохранявшей, правда, кое-где былой лоск (карнизы для гардин над иллюминаторами были, например, в каютах первого класса до сих пор позолоченными), но в основном его давно утратившим.

Просто не по чину для такой приличной публики, которая привлекла наше внимание...

В-пятых, конечно, маршрут, хотя возможно, именно он нам всё и объяснит.

Выйдя из Генуи, судно должно было проследовать через Барселону в Лас-Пальмас, потом длинный переход через Ак-

кру до Кейптауна. Здесь стоянка на пару дней, а оттуда в Бомбей, затем в Джакарту, а потом Мельбурн. Казалось бы всё, куда уж дальше, впереди только Америка, но до неё, памятуя о круглости земли, из Европы удобней было бы плыть в противоположную сторону.

Однако и тут, в Австралии, наш неугомонный пароход не разворачивался, чтобы проследовать домой, а тащился ещё дальше и, наконец, добирался до забытого Богом порта Окленд в Новой Зеландии, который, оказывается, и был конечной точкой его маршрута.

И если бы кто-то мог заглянуть через плечо помощника капитана, который распоряжался посадкой, и посмотреть в билеты наших путешественников, то мог бы с изумлением обнаружить, что направлялись они именно туда, где неизвестно было вообще, «поют ли птицы и растут ли деревья».

Шестая, хотя не так заметная снаружи, странность нашего и так уже достаточно странного семейства, было содержимое их багажа. Там среди довольно большого количества всякой (в основном летней) одежды для родителей и детей, плюс косметики, заколок, зубных щёток и прочих предметов гигиены, можно было обнаружить, как минимум два изданных знаменитой в своем деле фирмой Бёрлиц, учебника английского языка... для русских...

И вот тут-то недоумения, которые уже успели у нас возникнуть, сменяются одним конкретным вопросом:

А что делать в Новой Зеландии явно небедной русской

семе́е?

Да, в это время туда направлялся поток иммигрантов, которых с охотой принимали местные власти. Но ехали-то на этот (возможно самый отдаленный) клочок земли в основном две категории населения: землепашцы (особенно приветствовались властями этой английской колонии) и проходимцы, в надежде поживиться плодами золотой лихорадки, совсем недавно посетившей эту страну, но уже несколько лет, как закончившейся в связи с почти полным исчерпанием предмета лихорадочного вожделения.

Ни к той, ни к другой категории наше семейство явно не относилось.

Тогда зачем?

Возможно, что-то прояснит диалог, который можно было бы подслушать, если неотступно и внимательно следовать за главой семейства. В какой-то момент на одной из палуб парохода его поймал некий русский, который, услышав родную речь, а отец семейства только что обсудил с супругой планы и воспитательные программы для детей на ближайший день, решил, что раз русские, значит, свои, а раз свои – какие могут быть церемонии?

Он, видимо, ощущая себя опытным путешественником (трущобы Калькутты, притоны Шанхая, забегаловки Марселя) подошёл к нашему герою и, почти не поздоровавшись и уж точно не представившись, спросил:

– В Австралию или Индию изволите следовать?

– В Новую Зеландию... – вежливо, но с явным неудовольствием по поводу непрошеного вмешательства ответил отец семейства.

Визитёр посмотрел с недоумением. Он явно собирался продать свои знания (уверен, судя по человеческому типу персонажа, весьма поверхностные и недостаточные) тех далёких краев и навязаться богатым русским в качестве чичероне.

Но, похоже, так далеко его знания далеких стран не распространялись. Однако своих попыток он не оставил, а придумал новый вопрос или, как ему казалось, зашёл с другой стороны:

– А почему ж не в Австралию?

Отец семейства, вообще-то довольно мизантропически настроенный человек, вдруг перестал злиться на нудного кандидата в приживалы. Ему внезапно стало смешно и он, хотя только что собирался уйти, спросил:

– А почему в Австралию?

– Ну, там русских много... – удивлённо ответил новоявленный кандидат в гиды и попутчики.

– Вот поэтому... – слегка усмехнулся наш герой (а скрывать не будем, именно этому человеку и посвящена наша книга) и повернулся, чтобы уйти, и даже пару шагов сделал, когда в спину его догнал новый вопрос:

– Вы так не любите русских? – неприязненно, то ли от большой любви к соотечественникам, то ли от осознания,

что добыча, медленно, но верно уплывает, спросил бывалый путешественник.

– Скорее, они меня... – ответил отец семейства, на этот раз ставя уже окончательную точку в разговоре...»

Тросточка в руках, ридер во внутреннем кармане куртки, на языке ругань, а в голове сумбур – в таком состоянии Прохоров после прочтения первой главы романа двинулся из гостиницы куда-нибудь подальше.

Но если тросточка (смотри третью главу нашего сочинения) и ридер понятны, то ругань, сумбур и направление движения нужно всё же объяснить. И сильные выражения, и хаос в голове были вызваны фактически одним предметом просто с разных сторон – только что прочитанной главой. Но если сумбур касался содержания её, то ругань – немецких, а так же всех прочих европейских гостиниц.

Потому что, как обнаружил сегодня Слава, заведения эти не были приспособлены для такого простого занятия, как чтение.

Для сна – да, для просмотра телевизора – пожалуйста, даже для секса – всё в порядке. Но попробуйте хоть сколько-нибудь долго почитать, сидя в кресле и вывернувшись так, чтобы на страницу книги падал свет торшера. Почему вывернуться? Потому что и торшер, и кресло – тяжёлые, двигать их трудно и громко, а расположены они так, что свет на странице нужно именно ловить, как в том анекдоте, где пара, пришедшая к врачу-сексологу, жалуется на то, что у них ничего не получается. Врач расспрашивает их о том, как у

них всё происходит, а потом, чтобы разобраться, просит показать сам процесс и подготовку к нему. И тут парочка заплетается в какую-то настолько заковыристую позу, что все «Кама сутры» мира на всех полках магазинов и спален аннигилируют от зависти. Обалдевший врач спрашивает:

– А почему именно в такой позе?

На что получает вполне резонный ответ:

– Мы долго искали и нашли единственный вариант, при котором мы оба можем во время этого занятия смотреть телевизор...

Вот и здесь, в добропорядочном отеле, сидя в кресле, свет надо ловить, как этой замечательной паре, что без телевизора никак, а от такого положения очень быстро устаёт спина и отваливаются ноги.

– Сиди на стуле... – скажете вы.

И опять будете неправы. Потому что стул стоит у стола, на правую сторону которого светит маленькая настольная лампа на коротком шнуре, на левую – всё тот же торшер, а на середину – ничего.

– Подвинь стул к тому или другому.

А вот фигушки вам – тумбы стола расположены так, что близко к краям придвинуться нет никакой возможности, а если не близко, а посередине – свет не добивает.

– Включи люстру...

А нет её, только в коридоре, но сидеть в коридоре, впрочем, как и в туалете, где тоже светло, как-то запахло. Чув-

ствуешь себя даже не пассажиром на вокзале, которого вот-вот погонит проходящая мимо уборщица, а просто кучкой мусора на пыльном асфальте.

– Ну а всё-таки туалет? Любимое место отдыха читающих россиян...

Ну да, десять минут, ну двадцать, но куда больше? Да и одно дело – читать, потому что сидишь на горшке. А совсем другое сидеть на горшке, потому что хочется почитать... Как-то одно – правильно, а другое – нет...

– Хорошо, но почему тогда не лечь на постель и не читать лёжа? – скажет очередной умник. – Там же есть ночники с двух сторон, если постель двуспальная, или два у разных кроватей...

Но тогда поза для чтения – в основном – на животе или на спине. А если конструкция твоего малость не нового тела такова, что лежать ты можешь только на боку, да и то не очень долго. Ты и спишь так: двадцать минут на левом, двадцать минут на правом, а дальше всё то же самое много раз. А когда лежишь на боку, то свет падает либо на обложку книги, либо тебе на спину, только никак не на текст. Да и о том свете слова доброго сказать никак нельзя – экономные немцы вкручивают во все патроны номера лампочки ватт по двадцать. Разглядеть, где у тебя рука, где нога можно, но вот детали помельче различаешь с трудом.

– Стоп... Так у тебя же ридер, зачем тебе вообще свет?

А ты пробовал читать на ридере в полной темноте? Через

сколько минут начинают слезиться глаза? Вот то-то...

А если ещё и машинка эта для тебя внове и пальцы ещё не привыкли, что вот тут кнопка «Следующая страница», попадают то на «Заккрыть», то на «Список закачанного». И ты встаёшь, идёшь в коридор и, матерясь, вспоминаешь инструкцию, куда и при каких случаях надо тыкать. А вспоминаешь потому, что саму бумажку ты выбросил ещё по дороге, потому что аппарат с коробкой не входил в карман куртки и ты швырнул её в первую попавшуюся урну. Вместе с инструкцией, которая показалась тебе элементарной, как газета «Правда» при большевиках.

В общем, Слава продержался в гостинице только одну главу, а потом выскочил на улицу, искать, «где оскорбленному есть чувству уголок». Этим и объясняется то, что он не имел ни малейшего представления, куда идёт, просто двинулся в сторону вокзала с экзотически названием «300», который для Прохорова олицетворял самый центр Берлина.

На перекрёстке попался ему давешний «ботаник» из ресторана, где Слава обедал полтора часа назад. Длинный очкарик стоял под светофором и, держа в руках карту и указывая самому себе направление руками, пытался понять, где у него север, а где юг, где восток с западом и куда ему вообще идти. Стоял он, видимо, так не пять минут, потому что было в его позе что-то обречённое, пока Прохоров шел, помавания рукой повторились раза два, но ни к чему не привели, понять что-то в проклятой схеме «ботанику», похоже, было

не дано.

Слава даже хотел остановиться и помочь несчастному, но потом сообразил, что знания местного, как, впрочем, и английского языка, да и топографии столицы Германии ему скорей всего не хватит для такой помощи.

Поэтому он просто прошествовал мимо, ободряюще улыбнувшись «студенту» (так он окрестил для себя «ботана»). Но тот, похоже, ничего не заметил, то ли по близорукости, то ли по наступающей темноте, то ли по причине сверхзанятости и продолжал растерянно смотреть по сторонам, изучая географию, которую вообще-то должен был бы знать просто потому, что подобные ему персонажи всегда все науки знают и всякую чушь из них помнят.

А Прохоров прошел мимо, почти тут же, забыв о «студенте»...

6

Наше обещание в начале прошлой главы объяснить три вещи: ругань, сумбур и маршрут – оказалось выполнено только на две трети. Ругань понятно, маршрут – куда глаза глядят, нужно теперь поговорить и о сумбуре.

Бешенство, вызванное гостиничным номером, после встречи с «ботаном» у Славы почти прошло, и он решил, что в состоянии теперь спокойно (более-менее, конечно) заняться анализом – а что его так напрягло и смутило в романе зятя.

Он сел на скамейку, поставил трость между ног, оказывается, это очень удобно, устался в какую-то невидимую точку и начал раскладывать свои ощущения по полочкам.

Во-первых, конечно, перевод.

(Должен признаться, что, вставляя в нашу писанину главу из сочинения Владимира Горностаева, мы её отредактировали и исправили множество скорее грамматических, чем стилистических ошибок переводчика, чтобы читать было непротивно и даже можно было получать удовольствие, что при знакомстве с самим оригиналом было бы весьма непросто).

Джон явно пользовался помощью компьютера, получая сразу подстрочник. Против такого использования Прохоров ничего не имел, но по пятиминутном размышлении сформулировал два условия, которые были, с его точки зрения про-

сто необходимы при таком способе работы.

Как минимум, необходимо было отличное знание языка, чтобы верно свести все эти прилагательные, причастия и существительные и поставить их в правильные отношения, не запутавшись в окончаниях. А второе необходимое условие – внимательность и трудолюбие. Потому что при миллионе описанных выше промахов компьютерного переводчика нужно иметь чертовскую наблюдательность, чтобы заметить их все, и ангельское терпение, чтобы исправить.

И с этой задачей Джон не справился, поэтому Прохоров периодически спотыкался о «был содержание их Багаж» или «пароход шёл все эти годы, от Европы до Южной Америки».

Ещё одной важной особенностью Володиного текста был его своеобразный, несколько витиеватый, но вполне и даже с удовольствием читаемый стиль. И тут, как ни странно, у Джона получилось лучше. Те страницы, что прочитал наш герой, довольно сильно отличались от книг других авторов, и Прохоров (мы не можем, правда, сказать, что эксперт в этой области) готов был поклясться, что ничего подобного раньше не встречал.

И это пока всё, что касалось самого произведения, самого текста. Остальной душевный разброд, как понял наш герой после внимательного анализа собственных ощущений, касался уже не самих слов и предложений, а его ожиданий.

Во-первых, в нём сейчас, по прочтении первой главы, боролись два чувства.

С одной стороны, ему хотелось проглотить всю книгу разом, чтобы узнать, как всё было. Как Володя объяснил в романе то, что с ними со всеми произошло? Как они устроились в своей новой жизни? Как прижились? Нашла ли себе там место Маринка? Как дети вписались в чужой мир? Как удалось самому Володе устроить кафедру славистики в том уголке мира, где о существовании славян знали из местного населения человек двадцать от силы – сто?

И, может быть, самое главное, что искал в книге Прохоров: как зять написал и написал ли вообще о Надежде? Несколько поутихшая в момент появления Надин боль от потери любимой женщины, в Берлине вернулась снова и мучила Славу, сильнее, чем раньше. И здесь, читая, он хотел, как ни странно, этой какой-то даже блаженной болью наслаждаться, и важно было, что перед ним уже не его воспоминания, а взгляд постороннего и, несомненно, умеющего держать в руках перо (конечно, правильно попадать по нужным клавишам) человека.

И значит, новая информация о предмете любви и боли.

И эти два фактора: желание узнать о них и о ней – несомненно, говорили в пользу «глотания» книги. Слава уже прикидывал, где он может опуститься, в какой угол забиться, чтобы никто не мешал?

Какое-нибудь кафе? Вряд ли найдётся такое, что работает всю ночь, здесь вам не Москва. Вестибюль гостиницы? Могут вызвать полицию, потому что для добропорядочных нем-

цев представить себе, что человек, имея номер для жилья, несколько ночных часов читает, сидя в холле – это нонсенс.

Может быть, вокзал?

Но к этим размышлениям добавлялось одно существенное возражение против «глотания». Получив это довольно большое сочинение, Прохоров тайно возрадовался. Потому что это означало при медленном чтении несколько занятых вечеров. И не один или два, а неделю, а если удастся растянуть, то и дней десять не пустых часов перед почти бессонной ночью, не бессмысленную сто сорок седьмую прогулку по улицам Берлина, не тупое сидение перед телевизором или компом, а вполне имеющее толк и даже весьма приятное занятие.

И не очень волновало Славу, что, рассуждая и предвкушая таким образом, он тем самым уподобляет себя тому самому советскому человеку, которого он так не любил и на которого, надеялся, походил очень немного. Потому что тот человек не жил (ну, не было у него такой возможности при большевиках), а читал о жизни (а почитать что-то о том, как живут люди, трудно, но можно всё-таки было достать). И тот персонаж жадно глотал истории о том, как кто-то любит, кто-то борется, кто-то надеется и отчаивается...

Чем и собирался заняться Прохоров в ближайшее время, если выберет вариант медленного вкушения.

Хотя из этой дилеммы наш герой нашёл выход быстро: что ему мешает сначала проглотить, а потом вкушать? Тем более

что непростая Володина манера письма давала возможность поплавать не только в фактах, но и в стиле.

Слава, уже слегка подзамёрзший (октябрь все-таки, хоть и самое начало), встал со скамейки и двинулся к ближайшему кафе, огни которого светились неподалеку. Решение было такое: сидеть до закрытия, посмотрев предварительно на входе время окончания работы, а то ведь немцы могли и терпеливо, но, проклиная в душе, ждать его ухода. А потом, когда заведение закроется, искать себе нового прибежища – идея с вокзалом, например, показалась нашему герою вполне осмысленной.

Единственной нерешённой проблемой в такой ситуации оказывалась одна: что заказать?

Спиртное Слава не пил уже давно, да и какой смысл портить один кайф (от чтения) другим (от градусов)? Кофе на ночь – для него вообще безумие – не уснёшь по меньшей мере до семи, а он понимал, что текста ему хватит часов до четырёх, и что делать три оставшихся часа? Чай в последнее время производил на него то же самое воздействие, что кофе, соки и компоты, – не принимал желудок. Но и сидеть весь вечер в кафе, ничего не заказав, он себе позволить не мог.

Самым нормальным для него в такое время было бы выпить стакан молока, но заказывать в ресторане такой напиток безо всего (утром к яичнице и сосискам ещё можно) Прохоров считал неприличным. Все равно, что зайти в кафе при

детском центре и попросить себе стакан портвейна.

Но и эту сложность удалось преодолеть: Слава решил заказать какао (совершенно не подумав о том, что оно вот уже двести лет используется не только в качестве подкрепляющего, но и тонизирующего) и погрузиться в вожденное чтение..

«Однако, кажется, настала пора «разоблачить Изиду», по выпретенному выражению, «сорвать маски» и открыть, кто же были эти путешественники, о которых мы столько говорили и недоумевали в первой главе. И пусть это признание зачтётся нам, как добровольное.

Придется рассказать, что человек этот, отец семейства – я, автор книги, которая сейчас перед вами, Владимир Горностаев, жену мою зовут Марина, а детей – Андрей и Анечка. И на этом знакомство с членами моей семьи, как кажется, можно закончить...

Я бы и этого писать не стал, никому не интересна, что вполне закономерно, моя личная жизнь, но, поскольку пытаюсь сочинить роман о том, как люди разных цивилизаций ищут и находят что-то общее:

как вживаются в непривычные условия люди с далёкого севера на не менее отдаленном юге,

как находят себя славяне в англосаксонской культуре, да ещё и прилично разбавленной к этому времени местной, маорийской,

как выживают изнеженные, городские жители в практически деревенской жизни,

как люди одного времени пытаются найти себя в другом, – то без представления главных героев обойтись не полу-

чится, поэтому ещё несколько слов о нас.

Все мы четверо из России, я по профессии филолог, точнее историк литературы. Волею совершенно невероятного случая (подробности в одной из следующих глав) мы оказались в Москве середины тысяча девятьсот тринадцатого года. И зная о том, что произойдет вскоре (война, революция, большевики) приняли решение отправиться как можно дальше от уже взрывоопасной к тому времени Европы, но при этом место должно было быть (у нас всё-таки двое детей, которым мы должны были обеспечить нормальное воспитание и образование) максимально цивилизованным. Таким образом, отпали вся Африка, Азия (ни о каких мало-мальски культурных азиатских странах в тот момент никто ещё даже не помышлял) и Латинская Америка.

Остались всего две точки, если огромные и не очень огромные страны можно назвать точками – Америка и Австралия. Но тут кто-то в разговоре упомянул Новую Зеландию, и это всё решило. Америка не подходила нам, как одно из мест, где к тому времени уже существовала обильная русская эмиграция, а, хотя я пока не успел об этом написать, нежелание общаться с большой частью наших соплеменников во многом двигало нас к «перемене мест».

Австралия в свою очередь также пугала населением: представление о том, что тебя окружают почти исключительно потомки каторжников и иных не менее приятных представителей уголовного мира, никакого энтузиазма в нас не вы-

зывало.

Поэтому идея с Новой Зеландией показалась решающей все проблемы. В одной из книг, посвященных этой стране, я прочитал, что за семнадцать лет на рубеже девятнадцатого и двадцатого века там подали прошение об английском подданстве всего сто тридцать девять русских. И это, как легко понять, вычеркнуло Америку из списка предполагаемых мест нашей передислокации.

Нет, понятно, что в США есть не только Нью-Йорк, но и какой-нибудь Спрингфилд, штат Огайо, где, скорее всего, о русских никто в то время даже не слышал, но ведь ничего не мешает предположить, что именно там обосновалось какое-нибудь существо, подобное тому, что описано в первой главе нашего сочинения. Как избавиться от общения с таким «чичероне», если на много миль вокруг вы и он единственные соплеменники? Конечно, с подобной ситуацией можно столкнуться и в Новой Зеландии, но где выше шанс встречи с медведем – в лесу под Москвой или в зоопарке?

И сравнение с Австралией по злободневному для нас поводу было в пользу Новой Зеландии. Туда никогда не ссылали преступников, все жители этих островов, кроме аборигенов, приехали на острова сами и были добропорядочными бюргерами (если так можно назвать представителей английского среднего класса, но уж больно подходит это слово для описания тех персонажей, что мы имели возможность вскоре созерцать – крупные, краснолицые мужчины с трубками в

зубах и в неизменных шляпах) или их потомками. Да, знали мы и о «золотой лихорадке», охватившей эту страну недавно, знали, что туда хлынули всевозможные авантюристы со всего мира. Но из тех же книг, а прочесть (и еще больше проглядеть) их пришлось немало ещё до отъезда, мы также знали, что болезнь эта фактически побеждена. Причем хиной для неё послужило то, что (как часто в жизни бывает) её и породило. А именно само золото, точнее его отсутствие, оно просто кончилось, и поток «чичероне» развернул свое движение в противоположную сторону, искать ещё «не излечённых» от этой болезни земель. Понятно, что кто-то из них остался и на месте, но малосимпатичные люди есть везде, не повод же это для того, чтобы затвориться в скиту или спрятать себя навечно в таёжной заимке.

Наверное, в жизни всё-таки в подобной ситуации и при решении похожей проблемы важнее частота феномена, чем простое его наличие.

Конечно, внимательное чтение дало и некоторые отрицательные сведения об этой стране. Мне, например, не пришлось по вкусу, что в Веллингтоне каждый месяц происходят несильные, но землетрясения.

Да и кому это понравится?

Только, кто сказал, что мы непременно должны жить в столице? Надо просто выбрать крупный город, находящийся не в столь сейсмически опасной зоне. Решать мы собирались на месте, и, исходя из прочитанного, колебались между Ок-

лендом и Крайстчерчем.

Хуже оказалось другое: в одной из книг попалась фраза – «потребление пшеничного хлеба на душу населения такое-то (а никакого другого жители Новой Зеландии не едят)». Вот тут я по-настоящему расстроился, потому что очень люблю именно ржаной хлеб.

Но с другой стороны – надо же чем-то жертвовать? Идеальных ситуаций не существует, а если бы существовали и были достижимы, мы бы давно выродились и вымерли. Должно же быть и на этой сверкающей картине хотя бы одно тёмное пятно...

Потому что во всём остальном, если судить по книгам, Новая Зеландия представляла, как страна, в которой всем, скажем так, не хорошо, а лучше всех в сегодняшнем мире. Первое на белом свете всеобщее избирательное право, включая женщин и аборигенов, первое в мире обязательное начальное образование, а также пенсионное обеспечение поголовно для всех жителей, четыре университета и двести газет и журналов.

Ну, последнее меня несколько напрягло, зачем населению чуть меньше миллиона столько газет? «Уж лучше на погост, – чем в гнойный лазарет чесателей корост, читателей газет!»

– Но зато погода прекрасная, – утешал я себя – на Северном острове среднегодовая температура плюс восемнадцать, да ещё и вечный бриз, который не даёт жару душить вас.

В общем, все книги, которые я прочел, представляли Новую Зеландию как настоящий земной рай, поэтому, сходя на берег, я имел отвратительное настроение и самые дурные предчувствия».

Слава дочитал до этого места, поднял голову, чтобы обдумать прочитанное и размять затёкшую шею и увидел прямо напротив себя «ботана», «студента», в общем, того самого персонажа, который за последние часы уже дважды встречался ему. Персонаж сидел неподалёку, пил молоко (молочный коктейль?) и посматривал на него.

8

Это уже становилось интересным...

Слава родился, вырос и жил в стране, в которой, чтобы выжить, особенно с профессией, запрещённой в течение большого куска его жизни, нужно было постоянно сканировать окружающее на предмет опасности. А когда опасность от ментов миновала и объявили всеобщую свободу, жизненно необходимым сканирование осталось, только теперь смотреть надо было не ментов, а бандитов. Потом бандиты почти все исчезли, которые ушли в депутаты, которые легли на кладбища, которые подались в менты или под ментов, но старая привычка была всё ещё в большом спросе – только теперь бдеть приходилось и тех, и других, да и не всегда получалось их различать. В общем, довольно большой, во всяком случае по протяжённости, опыт в деле сканирования окружающего пространства у Прохорова был.

И по этому опыту встретить незнакомого человека три раза подряд в течение пары часов ничего хорошего не сулило. Ну, кроме тупых вариантов замкнутого пространства – театр, вагон поезда, кабак, в который не пообедать заскочил, а сидишь отмечаешь чей-то день рождения.

Ни того, ни другого в наличии не имелось – кабаки (первый и третий случай) были разные, а перекрёсток можно считать замкнутым пространством разве что в какой-нибудь

компьютерной игре, да и то очень древней.

По законам Славиной жизни, если ты несколько раз встретил человека вот так, неординарно, значит, человек этот с девяностопятипроцентной вероятностью имеет к тебе что-то. И хорошо, если дело. Скорей всего, тебя пасут, а вот кто и зачем – догадайся, мол, сама...

Прохоров ещё раз взглянул на «студента». Тот, почти не скрываясь, опять посмотрел на нашего героя, потом перевёл взгляд на стоявший на столе нетбук, опять устался на Славу.

Что за притча?

Опасности от человека не исходило, не тот тип, да и кто и зачем мог Прохорова сегодня преследовать или искать? Никаких хвостов за ним не числилось, дела с Горохом он разругил, человека для описания библиотеки нашел, грёбаный «бизнесмен» сам подтвердил, что никаких претензий к Славе не имеет.

Единственно, кого сегодня мог заинтересовать наш герой, так это каких-то бандюков, откуда-то прознавших про немалую сумму наличными, которая образовалась у него после продажи Володиного имущества. Потомки, получив огромный куш официального наследства и страшно боясь наличных, не взяли у него ничего, так что денег оказалось весьма немало.

Но ведь большая часть их лежат дома, в Москве, в надёжном месте. Слава взял с собой только пятьдесят тысяч, кото-

рые уже в большой степени истратил. Да и вёл себя аккуратно – нигде и никогда больше ста евро или долларов не светил – откуда кому-то знать, что у этого русского есть деньги?

Гайки с пятикартником у него на пальце нет, ездит он на обычном такси, а не на двадцатиметровом лимузине, в купании девочек в ванной с шампанским замечен не был – зачем он кому-то?

Да и кто может быть таким идиотом, чтобы посчитать его, Славу, законченным идиотом и послать по его следу вот этого идиота? Мало того, что он всё время светится перед пасомым, так ещё и просто ничего не видит, что было хорошо заметно там, на перекрестке, с картой. Вот и сейчас «студент», несмотря на сильные очки, близоруко шурился, глядя на свой комп.

Что там у него интересного?

Надо бы взглянуть, потому что это могло бы всё объяснить.

Только как?

Самый простой вариант – отправиться в туалет, тем более что и время подошло. На выходе из нужного помещения человек оказывался точно за спиной «студента», а уж тут увидеть монитор, если, конечно, он из предосторожности не закроет то, что там открыто, пара пустяков.

Можно попробовать оглянуться и по дороге туда, но это хуже, потому что придумать повод для такой оглядки довольно трудно, а вероятность попасться при подобном по-

вороте и выдать себя в том, что наблюдатель «раскушен», крайне велика. Скорей всего, этот болван будет провожать нашего героя взглядом, чтобы увидеть, куда он собственно направляется, и такой поворот засечёт, даже если почти ничего не видит. Нет, смотреть будем только по выходе...

Прохоров встал, прикинул, что телефон и ридер лучше взять с собой, чтобы не попятели, но тащить их в руках глупо. Поэтому он потянул к себе куртку, из которой немедленно что-то выпало.

«Мата Хари ты хренова, Джеймс Бонд из Бердичева... – обругал себя Слава, наклоняясь под стол в поисках упавшего предмета. – Чем ты лучше этого «студента», который, чтобы уследить за тобою, должен всё время держаться за твой рукав? А ты даже тихо встать не можешь, чтобы просто сходить в туалет и просто посмотреть на обратном пути, что там разглядывает, с чем тебя сравнивает этот несчастный...»

«Может, он считает, что я на кого-то похож, – подумал затем Прохоров, возвращая во внутренний карман книгу Америго Веспуччи, которая благополучно забытая там так и лежала с утра. – Может быть, этот придурок думает, что я – Тосиро Мифуне и сейчас подойдет за автографом?»

Подобная странная идея пришла в голову нашему герою не просто так: его бывшая жена Варвара несколько раз говорила о сходстве Славы с этим великим японским актером. Если честно, на её мнение нашему герою было давно и глубоко наплевать, сам он ни секунды так не считал, но когда про-

исходит нечто экстраординарное и совсем непонятое, мозг цепляется за любую, даже самую кривую идею.

Прохоров взял куртку, распихал всё по карманам. Глупо, конечно, одеваться, чтобы сходить в туалет, но ничего по этому поводу в голову не приходило. Он постоял минуту, задумавшись, потом перекинул куртку через руку – пусть все думают, что у него там что-то в сортире нужное, но для пока-за всем нежелательное. Может, у Славы геморрой, и он идёт вставить свечку?

Затем наш герой оглядел стол, надо было что-то оставить, чтобы официантка не подумала, что он сбежал, не заплатив и не вызвала полицию. Кожаный очешник его в этом смысле вполне удовлетворил, и он пошагал в сторону туалета.

«Студент» заволновался, но потом, взглянув на стол Славы и заметив на нем какой-то предмет, успокоился, а вот самому нашему герою пришлось вернуться почти от самых дверей нужного ему заведения.

Потому что в очешнике на столе он оставил и его содержимое, а именно очки, без которых он чётко не видел ничего ни на каком расстоянии. В наследство от той же бывшей жены, ему достались какие-то сложные окуляры, которые стоили уйму денег, но помогали не очень. Как ни просил Прохоров в тот раз Варвару оставить его в покое и не покупать ничего сложного и дорогого, она настояла на своём.

«Мой муж должен быть одет дорого и со вкусом...» – служило для неё единственным, но непоколебимым аргумен-

том, и Слава, который до этого покупал очки в подземном переходе у метро «Арбатская», сдался и вот уже несколько лет мучился, но ничего другого носить не мог.

И без них соответственно на компе у «студента» он мог бы разглядеть только пару неясных пятен неопределённого цвета.

Прохоров открыл очешник, напялил очки, не в туалете же было их надевать, и вернулся на не пройденный до конца маршрут.

А когда, закончив все дела, шёл обратно, увидел на экране монитора то, что никак не ожидал увидеть – свою собственную фотографию.

9

Фотография была старая, сделанная когда-то ещё Варварой и размещённая нашим героем в «Живом Журнале», когда он давным-давно пытался вести там свою страничку. Снят он был в профиль, сидел в каком-то кафе, и даже куртка была та же самая. Но это всё не имело значения...

Значение имело то, что интуиция на этот раз не подвела, и это всё-таки к нему постучались...

Но и это – ерунда...

У оторопевшего от неожиданности Прохорова было несколько секунд – пока «студент» не обернулся, чтобы проверить, куда делся наш герой – чтобы подумать, что делать дальше.

Взять тяжёлый стул и хряпнуть по голове?

Не годится, потому что заметут в полицию, да и болван может быть ни в чем не виноват. Вдруг он просто хочет проконсультироваться и узнать, сколько стоит первый том из собрания сочинений Мельникова-Печёрского, изданного Вольфом? В ЖЖ же ясно и понятно, чем занимается хозяин странички, когда не пишет всякие умствования на страницах журнала.

Подойти и спросить: «Что надо?»

Не подходит...

Просто потому, что непонятно даже, на каком языке за-

давать вопрос. И как понимать ответ? Прохоров, кроме родного, владел прилично разговорным английским, но откуда следует, что «студент» тоже им владеет?

Ни откуда, а значит, тот запал, который необходим для атаки (а подойти и заговорить самому в данной ситуации и означало атаку) будет растрочен впустую. Да и хорошо будет выглядеть Слава, когда после «Чего надо?» и «What do you want?», что примерно означало то же самое, заткнётся и будет тупо смотреть на ничего не понявшего или, наоборот, что-то многословно объясняющего «студента».

Не заметить?

То есть сделать вид, что ничего не увидел?

Выиграть время на «подумать», посмотреть, как будут развиваться события, а они будут развиваться, не зря же «студент» искал его и нашёл.

Что ещё могла означать Славина фотография на мониторе, как не то, что оригинал сравнивали с портретом, чтобы убедиться в идентичности? Вряд ли олух, даже если он гей, влюбился в него по фото и положил жизнь, чтобы отыскать самого носителя потрясающей красоты и мужества...

Но не заметить тоже не получалось, уже просто по человеческим качествам нашего героя. Сердце его, измученное многолетней жизнью с Варварой и уже дважды отказавшее, могло не выдержать напряжения и в этот раз, а говорят, что третий инфаркт – это обычно каюк. А как можно без напряжения сидеть, уткнувшись носом даже в такое важное для

тебя чтение, как Володина книга, и при этом зная, что напротив расположился человек, который положил немало сил и времени, чтобы найти тебя в чужом городе.

Зачем?

Неизвестно...

Но вряд ли за чем-то хорошим, потому что, если бы дело было чистое, то следовало бы, найдя Славу, просто подойти к нему и сказать: «Здравствуйте, Вячеслав Степанович» или «Hello, Slava...» Там, откуда «студент» взял о нём информацию, должны были бы знать, что Прохоров разговаривает только на двух языках.

Слава вообще не представлял, откуда болван взял сведения, чтобы найти его и как он это сделал. Сам себя он в такой ситуации – в гостинице в чужом городе, куда прилетел из другой страны, не готовясь и не планируя, почти случайно – вряд ли нашёл бы, хотя наш герой хорошо понимал, насколько слаб он в современных технологиях.

Надо было на что-то решаться, стоять у портьеры, которая заслоняла вход в сортир, становилось, мягко говоря, неудобно. Вроде ты размышляешь, не вернуться ли назад и не продолжить ли прерванный процесс.

Но никакого решения принять не получалось, ни один вариант дальнейшего поведения не годился, поэтому Слава уцепился за последний, как дающий хотя бы время на раздумья, и двинулся к своему столу.

Но когда он уже почти миновал «студента», вдруг услы-

шал негромкий голос:

– Здравствуйте, Вячеслав Степанович... – и ещё раз уже вдогонку повторилось, – Hello, Slava...

Прохоров остановился, не спеша повернулся:

– Вы говорите по-русски?

– Как видите...

Вблизи «студент» уже не казался таким молодым, привычное сочетание долговязой фигуры и сильных очков свернуло память на стереотип «ботаника». А человеку было, как минимум, сорок, и был он почему-то не по-европейски смугл.

Или это так показалось в свете неярких бра на стенах?

– Садитесь, пожалуйста... – предложил «ботан».

Хотя какой он «ботан»?

Кисти рук у «студента» были широкими, мясистыми и явно выдавали знакомство, если не с грифом штанги, то уж с ломом или черенком лопаты точно. Взгляд из-под действительно толстых очков был спокойным и уверенным.

Как и голос...

Да, с этим «студентом» надо держать ухо востро.

– Поговорим? – предложил ещё раз бывший «ботан». – Всё-таки садитесь...

– У нас с вами неравное положение, – сказал Прохоров, усаживаясь за стол. – Вы знаете, кто я такой, а я – нет...

– Что вы будете? – спросил «студент», не отвечая на поставленный вопрос. – Ещё какао?

– А вы что пьёте? – поинтересовался Слава, взглянув на стакан с белым напитком, стоящий перед его визави.

То, что тот не ответил на прямой, хотя не заданный вопрос, нашему герою не понравилось.

Ну, ладно, посмотрим, что дальше будет...

– Горячее молоко... – ответил «студент» (с позволения читателей мы и дальше будем его изредка именовать так). – Вы тоже хотите?

«Ну вот, – подумал Прохоров с досадой, – у него хватило решимости заказать то, что он хочет, а у тебя нет...»

– Буду... – буркнул он. А потом добавил ворчливо, – так как вас величать?

– Одну минутку, – отозвался «студент». – Сейчас я вам всё объясню...

И тут же подозвал официанта, заказал ему ещё молока (Слава отчётливо услышал слово «милх», которое помнил со школы). Но тут «студент» добавил ещё что-то, указывая на бывший столик Прохорова. Официант кивнул, отправился туда и через несколько секунд положил перед Славой его очешник.

И тросточку...

– Всё, там больше ничего вашего не было, Вячеслав Степанович? – спросил «студент».

– Всё... – отозвался Прохоров.

Он никак не мог понять, нравится ему новый знакомец или не нравится. И это сильно раздражало нашего героя.

– Ну, а теперь можно представиться, – сказал «студент» – Только не смейтесь, пожалуйста, над сочетанием и не грохайтесь в обморок от фамилии, потому что меня зовут Федерико Горностаефф... Могу показать паспорт. И именно так, с двумя «ф» на конце...

10

– Как? – выдохнул наш герой.

Ожидал он чего угодно, только не этого.

– Да, Вячеслав Степанович, – развёл руками Федерико (теперь мы имеем право называть его по имени) – я внук Андрея Горностаева, он-то был с нормальной русской фамилией, а, значит, ваш праправнук...

– У Андрея не было детей... – как-то даже сконфуженно произнёс Прохоров, – Володя ничего об этом не писал... Даже точнее, – упрямо промямлил он, – писал, что детей не было...

– Догадываюсь... – почему-то жёстко сказал Горностаефф, – но он не знал о существовании его внучки, а моей матери... Если нужно, могу для вас изложить всю историю...

– Ну, попробуйте... – кивнул Слава, стараясь выиграть время.

По всему получалось, что перед ним, если, конечно, принять слова Федерико на веру...

– Моя бабушка была майориейкой, по имени Хуи, что для вас я знаю, звучит не совсем прилично, но это всего лишь новозеландская птичка такая, – начал праправнук, – Несмотря на подобное имя, она была с какими-то королевскими кровями, что не помешало деду скрывать и от Владимира, и от Марины, и от сестры факт их связи, возможно, что как раз

из-за имени...

... а он слишком хорошо осведомлён в семейных отношениях Прохоровых-Горностаевых, чтобы оказаться просто аферистом...

– Как бы там ни было, – спокойно продолжал новонайденный праправнук, – от их связи родилась моя мама, а дед примерно в это время погиб на войне. Бабушка могла предъявить свои претензии его родственникам, получить от них какую-то помощь и поддержку, профессор Горностаев славился своими либеральными взглядами на расовые и прочие этнические проблемы, но она, возможно, боясь, что ребенка отнимут, или по другой какой причине предпочла ничего не открывать и даже уехала в Австралию вместе с моей матерью...

... или он очень умный и талантливый аферист. Вон как пропускает важные места – он не мог не знать, почему его мать не обратилась к Володе или Маринке, и это придаёт его истории особую достоверность, жулик бы придумал подробности, чтобы всё было гладко и без дыр...

– Там, в Австралии, она воспитала дочь, даже дала ей фамилию отца, только записали её вот так по-дурацки. Там же выдала дочь замуж за испанца, отсюда моё первое имя, от коего брака родился и я...

... похоже это – обделённый наследник. И тогда его появление в Германии и в жизни Славы было вполне закономерно, хотя и абсолютно непонятно одновременно. Закономерно.

но, потому что к кому обращаться обиженному в такой ситуации, как не к главе рода?

– Предупреждая ваши вопросы, сразу скажу, что культ вашего внука в нашей семье процветал, что бы там у них с бабушкой ни случилось, она просто боготворила его и поэтому мы все...

... то есть новых наследников много?...

... – учили русский язык, да и здесь в Берлине я оказался именно поэтому... Отправить меня в советскую Россию даже бабушке в голову не пришло, а из цивилизованных мест Германия с её университетами казалась самым близким местом к родине Андрея Горностаева...

– То есть вы здесь постоянно живёте? – уточнил Прохоров.

– Да, вот уже больше двадцати лет... – кивнул Федерико, и по некоторому удивлению, мелькнувшему в его глазах, видно было, что он так и не понял важность вопроса и ответа.

Но тем самым сняв существенное недоумение Славы – какой смысл обращаться к нему, как к главе рода, если никто главенства этого не признаёт и с мнением патриарха не считается? А так понятно: заехал патриарх в город, где живут ошмётки рода – почему бы ему не наклеузничать?

– Вы сказали «первое имя» – спросил Прохоров, потому что пока так и не придумал, как себя вести и даже на простой вопрос «Верить или не верить?» не ответил, – значит, есть и второе?

– Вирему... – с симпатичной улыбкой ответил Горностаефф. – Федерико Вирему Горностаефф. Первое имя в честь поэта Гарсиа Лорки, отец его очень любил и считал, что я на него даже похож. Правда, непонятно, как он это разглядел, когда я ещё в колыбельке ногами дрыгал. Сейчас-то ясно, что никакого сходства нет, вообще ничего общего... А второе – в честь Вирему Тамихана, маорийского просветителя и проповедника. Он когда-то придумал «Кингитанга», такое движение, чтобы маори имели не просто племенных вождей, но и одного общего короля и даже издавал по этому поводу целую газету... Бабушка была его дальней родственницей...

– Исходя из того, что вы о себе сказали, – тянул время Слава, – а именно, что бабушка имела королевские крови, и того, что сказано сейчас – что она родственница этого Хамитана...

– Тамихана... – поправил его Федерико.

– Можно заключить, – Прохоров кивнул, соглашаясь с исправлением, – что он сам и был первым королём...

– Ничуть не бывало... – рассмеялся праправнук, – маори в то время были дикарями и даже канныбалами, но nepoтизма и коррупции ещё в помине не было, это европейское нововведение, и первым королём стал совсем другой человек – Потатау Те Ферофери. А бабушка была просто из того же рода и следовательно родственница обоим...

– То есть тот, кто назначил короля, и сам король были из одного и того же племени? – удовлетворенно уточнил наш

герой. – Всё-таки – коррупция и семейственность...

Его нимало не интересовало, кто был из какого племени. Но надо же поддержать разговор...

И потянуть время...

Чтобы прийти в себя...

И наметить линию поведения...

Горностаефф отрицательно покачал головой. Но так ничего и не сказал, глядя на прапрадеда.

– Так что вы от меня хотите? – наконец не выдержал тот. – Я, даже при всём моем желании не могу перераспределить наследство в вашу пользу... Деньги завещали Володя с Мариной, и я не буду вмешиваться в волю дочери и зятя...

Теперь уже в глазах Федерико появилось недоумение. Но надо отдать ему должное, дотумкал он очень быстро.

– Меня в этой ситуации совершенно не интересуют деньги... – он пожал плечами, – то есть, как любому нормальному человеку, они мне нужны, но о тех деньгах, наследстве профессора Горностаева, никто в нашей семье давно не думает, они не наши, их как бы нет вообще...

– Тогда – что? – продолжил атаку Прохоров. – Не искали же вы меня для того, чтобы радостно сказать: «Здравствуй, деда...»

– Нет... – честно признался Федерико.

– Тогда для чего?

– Я просто хотел, чтобы вы мне подтвердили одну мою гипотезу... – Горностаефф явно чего-то не договорил, но за-

молчал при этом.

– Какую? – в изнеможении почти закричал Слава.

– Вы для меня являетесь единственным доказательством того, что путешествия во времени существуют... – впервые за всё время разговора праправнук выглядел неуверенным. – И только вы можете это подтвердить или опровергнуть...

Прохоров откинулся на спинку стула, внимательно посмотрел на своего собеседника.

Вроде бы никаких признаков безумия нет, хотя Слава не считал себя специалистом в этой области. Но ни пены у рта, ни дикого взгляда, ни сбивчивой речи – всего того, что у лыхов служит признаком сумасшествия, не наблюдалось.

Скорей, наоборот, до последней реплики наш герой считал своего визави гораздо более вменяемым, чем он сам. И именно поэтому так резанула его высказанная в этих последних репликах мысль.

Нет, проблема была не в том, что Прохоров не верил в путешествия во времени, зелёных человечков и вечный двигатель. Он прекрасно знал, что второе и третье – бред воспалённого сознания, тогда как первое как раз существует, и прямо перед ним и сидело живое доказательство того, что такие путешествия бывают.

Иначе откуда взялся месье Горностаефф? Если бы несколько месяцев назад Володя с Маринкой и детьми не эмигрировали в 1913 год и в Новую Зеландию, то никакого Федерико ибн как его там и в помине бы не было...

Расстройство Славино было вызвано именно этим – нелепостью и алогизмом ситуации.

Ему... Ему, Прохорову доказывать, что можно побывать

и даже жить в разных временах... Такой умный, но не видит дыры в своих рассуждениях. Что наш герой и попытался сформулировать в ответе, которого всё время, пока раздумывал прапрадед, напряженно ждал праправнук.

– Но раз вы признаёте меня своим предком, – осторожно начал Прохоров, – а я не возражаю, то, значит, всё так и есть...

– Да ничуть не бывало... – покачал головой Горностаефф, демонстрируя не только знание русского языка, но и умение с ним правильно обращаться, – Бостонские ведь тоже признают, что вы их пращур, вы не возражаете, однако никто вам не верит. Кивают и отходят, да? Это мне знакомо. А в результате получается, что этого, я имею в виду путешествия во времени, как бы и нет...

– А вы общаетесь с бостонскими? – новый поворот в разговоре надо было обдумать.

– Конечно, – удивился праправнук, – иначе откуда бы я узнал о вашем появлении и вообще существовании? Они – хорошие ребята, во всяком случае, по переписке, но как бы это сказать, позитивисты, что ли. Существует только то, что достоверно доказано математикой... Никакие гипотезы или флюктуации не признаются...

– Тогда почему вы мне верите?

– Потому что я внимательно читал вот это...

Федерико Горностаефф аккуратно положил на стол книгу, затрёпанную настолько, что лишь привычный взгляд мог

узнать в ней роман Андрея Горностаева «Путешествие через».

Прохоров, много раз державший в руках это второе, послевоенное издание, узнал.

– Но ведь они это тоже читали... – горячо возразил он. – Джон, если вы знаете, даже перевёл Володин труд на русский, я как раз сейчас... – несколько слукавил Слава, – правлю перевод...

– Перевёл, но не вчитался... – покачал головой Горностаефф. – Иначе бы понял, что всё это – правда... Тут же всё видно, если внимательно смотреть, а не глотать залпом...

– Ну, например? – спросил Слава.

Он, прочитавший, правда, всего две главы, не заметил в книге ничего, что не могло являться фантастическим романом, а прямо выдавало бы подлинность описанного, его не «художественность», а реальность.

– Хорошо... – Федерико не смутился нимало, взял книжку, открыл на самом начале. – Возьмём первые главы.

– Возьмём... – даже как-то завёлся Прохоров. – И что увидим?

– Вот, в первой же главе при описании странностей путешествующей семьи читаем: «где неизвестно было, вообще «поют ли птицы и растут ли деревья». – Горностаефф победно посмотрел на нашего героя.

– И что? – не понял тот.

– «Здесь птицы не поют, деревья не растут, и только мы

плечом к плечу вырастаем в землю тут...» – пропел праправнук. – Булату Окуджаве, я специально посмотрел, в год выхода книги было всего восемь годков, а между смертью профессора Горностаева и написанием этой песни прошло минимум двадцать лет, причём смерть наступила раньше. Откуда он мог знать эти строки?

– Но это не обязательно цитата... – заупрямился наш герой, хотя понимал, что Федерико, скорее всего, прав. – Образ не самый оригинальный, и оформление его тоже легко могло быть придумано несколькими людьми... Почему сам Володя не мог так выразиться?

– Согласен, – не смутился праправнук, – но ведь в книге эти слова стоят в кавычках, а это прямой признак цитаты. Причем цитаты общеизвестной, в противном случае филолог Горностаев обязательно бы написал: «как сказал поэт имярек» или «по известному выражению поэта такого-то» и так далее. Понимаете, профессор, просто в силу своей профессии, простите за дурацкий каламбур, мыслил цитатами. То есть, конечно, думал он вполне здраво и остроумно, но, как у любого филолога, почти на каждую мысль у него автоматически в голове возникала какая-то цитата, чей-то текст. И здесь он себя выдал, приведя слова из стиха, в его время ещё не существовавшего...

Прохоров молчал, признавать поражение не хотелось, а аргументов против у него не было.

– Я уже не говорю об употреблении некоторых выраже-

ний, – начал добивание противника Федерико, – которые при жизни профессора не существовали вообще...

– Например?

– Ну, вот смотрите – «развитые азиатские страны». И хотя написано, что о них тогда никто ничего не слышал, о чём это он? Если я сейчас скажу «развитые африканские страны», вы же удивлённо поднимете брови. И тогда такая фраза могла вызвать только удивление, хотя в устах человека начала двадцать первого века – нормальна. Если мало, – Федерико потыкал в книгу, найдя там новый образец для разбора, – вот ещё один пример из той области, что мы уже разбирали. «Уж лучше на погост, – чем в гнойный лазарет чесателей корост, читателей газет!» – это что?

– Похоже на Цветаеву... – задумчиво сказал наш герой.

Ему очень не хотелось ударить в грязь лицом перед обречённым родственником, но точно он не помнил, хотя ощущение, что текст знакомый или, по меньшей мере, уже встреченный, было.

– Точно... – обрадовался Федерико. – Название «Читатели газет», написано в городе Праге в тысяча девятьсот тридцать пятом. Напомнить, в каком году опубликован роман профессора, где – он глянул в книгу перед собой, – во второй главе процитировано это стихотворение?

– Я и так помню, – поник Слава, – в тридцать втором. Но ведь они с Мариной Ивановной могли быть знакомы, известно, что Володя был связан с русской литературной эмигра-

цией. К тому же, откуда мы знаем: тридцать пятый – это год написания или публикации? Может, оно пять лет до этого ходило в списках?

– Вы сами себе не верите, – возразил Горностаефф, – и правильно делаете. Потому что никаких их контактов не зафиксировано, потому что тридцать пятый – это дата написания, а в списках тогда весьма мало что ходило. Кроме того, вся история – абсолютно та же...

– То есть?

– То есть опять стоят кавычки... Текст цитируется, как хорошо всем известный... В тридцать втором году, а написан в тридцать пятом...

– Ну хорошо, – согласился Прохоров, – вы меня убедили, что характерно, убедили в том, в чём я и без вас был уверен. Володя с семьёй действительно перебрались в девятьсот тринадцатый год из две тысячи тринадцатого. И путешествия во времени существуют. Что дальше?.

Федерико несколько секунд напряженно смотрел на своего прапрадеда, потом всё-таки решился:

– Я предлагаю вам побывать в тысяча девятьсот тринадцатом году...

12

Спать никак не получалось.

Прохоров ворочался сбоку набок, считал баранов, даже от отчаяния пел сам себе колыбельную.

Последнее его рассмешило, и он решил сдаться.

Встал, не одеваясь, достал из минибара бутылку воды.

Попил, погулял по номеру от окна до туалета, потом обратно, потом ещё раз туда, и ещё раз обратно...

По старому рецепту для того, чтобы заснуть, нужно было предварительно хорошо замёрзнуть. Потом залезть в постель, пригреться, и придёт блаженный сон.

Но даже замёрзнуть не получалось: педантичные немцы топили аккуратно и основательно. Хотя на улице не очень холодно, к батареям притронуться было нельзя. На нижней трубе, правда, были какие-то вентили, Слава догадывался, что они-то как раз и должны были регулировать температуру до желаемой, но притрагиваться к ним боялся. Зная свою безрукость, он не мог быть уверенным, что какой-нибудь вентиль не сорвёт, а в том, что после его верчений гостиницу либо всю затопит, либо она просто вымерзнет, можно было не сомневаться.

Делать, после питья воды и прогулки по номеру, было абсолютно нечего. Ну не смотреть же новости на заграничном языке или порнуху, которую заботливо предлагал телевизор.

Пощёлкав пультом, можно было найти и какую-нибудь киношку, но на фигу козе баян?

У него у самого жизнь позавлекательней да позабавней любой киношки...

Слава уселся в кресло и стал смотреть на улицу.

В доме через площадь не горело ни одного окна. Хотя времени было по-местному всего два ночи, и в Москве в такую пору в такого размера здании штуки три-четыре точно светились бы. Но это Германия – «Судары, выпрягайте слуг. Трубочку оставляй досуг. Труд выключай верстак – Morgen ist auch ein Tag».

Нет, наш герой не был филологом, на манер Владимира Горностаева, или исследователем-аналитиком, как Федерико Горностаефф, и не знал не только немецкого (с которого последняя фраза переводилась вот так – «Завтра тоже будет день»), но и наизусть всей русской поэзии. И даже элементарно знатоком или любителем её не был. Просто в детстве, скорей, даже в юности он ходил в драматический кружок при Доме пионеров и там одним из номеров, готовившихся для городского конкурса чтецов, и был «Крысолов» Марины Цветаевой, первые строфы которого зачем-то так и сидели с тех пор в Славиной голове.

От «Крысолова» мысли перекинулись к «Читателям газет», от них к разговору с Федерико, от него самого к его предложению. Но Прохоров в очередной раз запретил себе думать на эту тему, потому что понимал, что тогда вообще

не заснёт, взял ридер, открыл его.

Но и читать тоже не получалось.

И не только из-за многочисленных технических проблем, о которых мы уже говорили в одной из предыдущих глав. А и потому, что никак в одной голове два потока не уживались. Как не получается есть одновременно белугу горячего копчения с хреном и торт «Наполеон», из двух прекрасных и желаемых яств получается одна отвратительная каша.

Так и здесь – для чтения книги зятя требовалось внимание, а его-то как раз не было, мысли всё время отвлекались. Прохоров только успел понять, что в следующей главе, которая, как раз посвящена началу истории отъезда в Новую Зеландию, он не упоминается, впрочем, как и Надежда. Из врождённой деликатности ли, просто ли по соображениям безопасности (мало ли кто и когда прочтет книгу, и неизвестно, какие выводы сделает и какие меры предпримет), Володя просто пропустил двух важнейших персонажей этой истории.

Рассказано было, как успел заметить наш герой, не прочитавший, а просто просмотревший главу, только о том, что в Москве две тысячи тринадцатого года в одном из старых домов в самом центре города в стене обнаружилась дверь, ведущая в ту же Москву, но только за сто лет до этого. И семья героя воспользовалась этой дверью, потому что уж больно неопределённой и непредсказуемой была ситуация в стране (да и в мире) в это время.

И сбежали в прошлое, разумно выбрав для жизни не предреволюционную Россию, а далекую и тихую Новую Зеландию.

Слава успел расстроиться, что одна из его мечт (как сейчас принято говорить) не сбылась – ничего о любимой женщине написано не было.

А дальше следовала глава о том, как наши герои (то есть не наши, конечно, а герои романа «Путешествие через») начали пристраиваться, приспособливаться к новой жизни. Но её Прохоров бросил примерно на первой трети, потому что читал только буквы и слова, а смысл их никак не доходил.

Он пролистал электронные страницы несколько вперед. Нет, это не детектив и читать его «без головы» не получится.

Единственно, на чём остановился глаз – довольно забавная сценка, как профессор (в то время будущий профессор) учреждал кафедру славистики Кентерберийского университета в городе Крайстчерче. Как мы помним, это был один из вопросов, которые интересовали Славу ещё до начала чтения книги. Сцена эта была описана Горностаевым в не совсем присущей ему манере клоунады.

«Когда я изложил попечительному совету университета свою идею, возникла зловещая пауза. Похоже было, что ученые мужи пытались переварить моё предложение и никак не могли выловить из хаоса своих мыслей необходимость такого странного и нелепого действия. В самом деле, зачем провинциальному университету на краю Ойкумены кафедра по

изучению этносов, которых университет, скорее всего, никогда не коснется и даже не встретит?

– А зачем университету, – проскрипел председатель совета, толстяк с унылыми глазами, – кафедра по изучению этносов, которых мы, скорее всего, никогда не коснемся и даже не встретим?

«Читает мысли? – я невольно зауважал унылого. – Но не дома же хранить весь тот архив и ту библиотеку, которую надо будет собрать. Кроме того, кто-то, кроме Маринки и детей, должен критиковать мои работы... А таких ещё надо воспитать...»

Однако, поскольку таких речей перед публикой вести не мог, сказать пришлось совсем другое:

– Ну, во-первых, такая кафедра будет первой во всей южной половине земного шара. А насколько я понимаю, для жителей Новой Зеландии, как и для её властей, нет ничего приятнее, чем опередить всех, и главным образом австралийцев, в чём бы то ни было.

Показалось мне или действительно двое из пяти присутствующих членов совета слегка кивнули головами и вопрошающе посмотрели на председателя. Тот, впрочем, остался уныл, как прежде.

– Во-вторых, и я вам это ответственно заявляю, представителям этого этноса в ближайшие годы предстоит играть настолько значительную роль в мировой истории, что вы ни о чём не пожалеете, а напротив, будет прославляемы потом-

ками за столь провидческий взгляд.

Тут уже у всех пятерых, скривился правый уголок рта, что заставило меня сильно сомневаться в доходчивости второго аргумента.

Придется ходить с козыря...

– И, наконец, – выложил я последнюю, но решающую, уверен, карту, – университету это не будет стоить ничего. Я сам готов финансировать создание кафедры и обеспечение её всем необходимым...

Длительные, я бы даже сказал, яростные аплодисменты прервали мою речь. Члены попечительного совета, аплодируя, встали, аплодируя, окружили меня и даже умудрились, всё так же хлопая, протянуть мне ладони для рукопожатия.

Я просто не мог не признать такое горячее выражение привязанности за согласие с моим планом создания нового направления в деятельности университета.

И второго января 1914 года кафедра была открыта».

Прохоров хмыкнул, покачал головой и выключил ридер.

Отложил его без всякой жалости...

И не просто, потому что дальше было читать трудно...

Появилась ещё одна причина относиться к роману зятя более спокойно. Похоже, что его внук изобрел машину времен и можно было просто отправиться к Володе и послушать его рассказы в живую.

Слава лёг, но так и не заснул, сдался и начал вспоминать прошедший вечер.

О том, как Федерико удалось преодолеть теорию относительности Эйнштейна, происхождения видов Дарвина или закон всемирного тяготения (нужное пусть подчеркивают знатоки, а ни Прохоров, ни автор себя таковыми не числят), Горностаефф даже распространяться не стал, поняв после пары дурацких вопросов, что с подобным слушателем это бесполезно.

Точно так же, как не стал объяснять предку-недоумку, как смог найти его в случайной гостинице в чужой для нашего героя стране, буркнув в ответ на новый недоуменный вопрос что-то длинное и невразумительное, в чём Слава слышал только одно знакомое словосочетание «айпи», которое несколько раз слышал когда-то от зятя, но так не и взял в толк, что это.

И на том успокоился...

Но, не объясняя сути, праправнук всё же рассказал кое-что.

Они вышли из кафе, где состоялось их знакомство и теперь шли по всё той же Лейбниц, с которой мы начали свой рассказ (помните, тут был хороший ресторан и суп с лисичками?), направляясь на Кантштрассе, где жил Федерико. И по дороге он поведал Прохорову, как Володина книга стала стимулом и толчком к его борьбе со временем:

– Понимаете, – вещал Горностаефф, – человеку, чтобы чего-то добиться, надо, как минимум, две вещи: терпение и уверенность в том, что то, что он хочет найти – достижимо. Первое у меня было от матери, второе дала книга. Когда я вчитался в неё и понял, что профессор Горностаев действительно попал в Новую Зеландию начала двадцатого века из Москвы начала двадцать первого, то это вселило в меня нужную уверенность. Уверенность в том, что победа возможна, грела меня все пятнадцать лет, которые я занимался изготовлением машины.

– А кстати, – пришло в голову Славе, – почему вы не навестили нас в Москве, несколько месяцев назад, когда вся эта история закручивалась? Уж там-то, возле пролома, вам бы никого не пришлось ни в чём убеждать...

– Угу, – мрачно кивнул Федерико, – только попробуйте исходя из вот этого, – он потряс растрёпанной книгой, – определить, где именно всё происходит. С датами все чётко, а вот место... Москва, она большая, даже очень, я в этом убедился. Съездил, как раз в этом июле, походил вокруг Храма Христа Спасителя, в тексте он упоминается, как находящийся неподалеку, только как поймешь, в каком именно доме из двух десятков всё происходило. Один раз мне даже показалось, что я заметил прадеда, он выходил из джипа, но раны-пе-то я видел его только на плохих снимках, а сказать, что он не любил фотографироваться, – значит, ничего не сказать. Остались только два или три фото на документах и группо-

вые снимки, а только где вы видели, чтобы такие «портреты» были похожи на оригинал? А подойти к незнакомому человеку и спросить: «Вы случайно не собираетесь завтра отправиться на сто лет назад?» как-то не решился... Я ответил на ваш вопрос?

– Полностью... – кивнул головой Прохоров, отметив для себя, что вот всё-таки есть нечто такое, на что праправнук не мог решиться.

– Тогда продолжаю... – Федерико приветственно помахал рукой какому-то парню на автозаправке, мимо которой они как раз проходили. – Я постоянно беру у них бензин для своей машины... – объяснил он.

– У вас какая тачка? – вежливо задал вопрос Слава.

Хотя ответ его абсолютно не интересовал, но надо же поддерживать разговор, недаром праправнук заговорил о машине.

– Машина времени работает на бензине... – несколько даже обиженно ответил Федерико, – а автомобиля у меня нет.

– На бензине? – удивился Прохоров. – А почему не на электричестве?

– Потому что вышибает автоматы... – Горностаефф, похоже, опять обиделся, только на этот раз не на Славу. – Причем во всём доме... На бензине я сам себе хозяин, а тут должен соблюдать правила совместного проживания, чтобы у соседей не выключался телевизор и тостер.

– То, что машина находится у вас в квартире, я уже понял, – не до конца понял Прохоров, – но и бензомотор то-

же там? Он же чадит и громыхает, какой бы отлаженный ни был... И никто не пишет на вас заявление в полицию?

Сложив, как ему казалось, случайно слово «бензомотор», наш герой даже вздрогнул, потому что оно напомнило ему Надежду, которая так называла автомобили. А не сможет ли новый знакомый помочь и дать им возможность всё-таки воссоединиться?

Если он не сошел с ума, конечно...

Даже не так, если оба они не сошли с ума, причем каждый по-своему. Вот так будет точнее...

– Я придумал, – беспечно махнул рукой Федерико, – одну штуку, назовем это, чтобы вас не мучить объяснениями, дополнительным клапаном, который резко позволил снизить и то и другое. Мотор тихо шипит и только иногда грустно вздыхает. А выхлопные газы уходят в форточку и поскольку их всего ничего, то заметить это можно только, если встать прямо под окном и засунуть определитель СО прямо ко мне в квартиру. Если, конечно, всё время стоять у трубы – то можно получить довольно сильную головную боль. Поэтому пришлось снять два помещения: в одном живу я сам, в другом работает бензиновый двигатель.

Прохоров приостановился и внимательно посмотрел на праправнука. Он начинал верить этому ненормальному всё больше и больше.

Надо быть абсолютно сумасшедшим, чтобы затеяться изготавливать машину времени. Но перед ним и был абсолют-

ный сумасшедший, похоже, решивший всё-таки задачу, над которой бились и бьются ведущие инженеры и конструкторы всех автокомпаний мира и даже этого не заметивший...

– Я получил кое-какие деньги за это своё изобретение, хотя, как кажется, его так никто и не применяет. – заметил Горностаефф, опровергая только что выстроенную прапрадедом теорию. – И лишь на них смог закончить своё главное дело...

– Может быть, – прикинул Слава, – они вам заплатили для того, чтобы вы не продали свою придумку кому-то еще. Только почему они тогда не вводят его в действие?

– Я слышал, – невозмутимо ответил Федерико, – что их инженеры взялись доводить то, что я придумал, до ума и всё испортили. Этот самый клапан после усовершенствования просто перестал работать...

– Похоже на то...

Они свернули на Кантштрассе и Прохоров поймал себя на том, что пытается найти, что бы ещё спросить у праправнука.

Зачем?

Бог его знает...

Наверное, со стороны их беседа выглядит так: младший пытается старшему что-то рассказать, а тот не даёт, всё время задавая ненужные, в общем-то, вопросы.

«И почему я так поступаю? – спросил сам себя Слава. И тут же ответил. – Похоже, боюсь нарваться на что-то, что заставит меня думать, что всё это – сон или бред. А почему тогда иду к нему в его квартиру? Наверное, в надежде, что

всё это правда...»

– Вы меня слушаете? – спросил Федерико, прерывая размышления нашего героя, – Машина моя закончена была в середине июня, и сейчас я её тестирую...

– А в чём заключается проверка? – напрягся Прохоров.

Оказаться подопытным кроликом он, как любой нормальный человек, никогда не хотел, да и перспектива очутиться одной ногой в прошлом, а другой в настоящем совсем не радовала. Как-то в целом теле было уютней и привычней.

– Сейчас я вам всё объясню и покажу... – сказал Горностаефф, – мы пришли, у меня студия, вон мои окна на втором этаже.

– Вот здесь вы, вероятно, живёте, там кухня, – Слава из коридора заглянул в тёмную комнату, поводит головой по сторонам, потом показал на дальнюю дверь, – а тут, очевидно, спальня. И там же машина?

– Нет, она здесь... – праправнук смотрел исподлобья.

Потом включил свет.

Сделал шаг в комнату, за ним наш герой.

– Мы в ней стоим...

Прохоров чуть было не отпрыгнул обратно, но устоял, потом едва не начал испуганно задирать ноги, как делают все, попавшие во что-то липкое и чуждое, но огромным усилием воли сдержал и это желание, остался стоять и только оглянулся вокруг.

Комната, которую он в темноте принял за жилую, была довольно странной. Из всей возможной мебели здесь был только громадный старый диван в дальнем углу, да не менее здоровенный стол посреди комнаты. Слава плохо разбирался в мебели, но не исключил бы, что эти два предмета простояли здесь сто лет. На диване спал немалых размеров серый с белыми проплешинами кот, даже не поднявший головы, когда вошли люди, а только лениво приоткрывший правый глаз.

Больше тут не было ничего – ни шкафа, ни стульев, ни какой-нибудь этажерки в углу или компьютерного столика со

всеми прибабасами в другом. Только странное окно, смотревшее в соседнюю комнату, да из почему-то паркетного пола, рядом с диваном торчала какая-то ручка, которую наш герой принял за переключатель скоростей от «Жигуля».

И что-то ещё беспокоило Прохорова, что он поначалу не мог понять, и догадался только через несколько секунд.

Ни на подоконнике, ни на столе, ни на неширокой полке, которая венчала диван, тоже не было ничего.

Вообще ничего...

Никаких ожидаемых в такой квартире книг или недопитых стаканов с кофе...

Ни неожиданных для такого человека, которым казался праправнук, ракушечных замков или фотографий в разноцветных пластмассовых рамочках...

Ни нейтральных бумаг или карандашей...

Ничего...

– Всё это перемещается в прошлое... – неожиданно, словно прочтя мысли гостя, – заметил Горностаефф. – Стол и диван – нет, наверное, слишком тяжёлые для такого путешествия, машина рассчитана на сто пятьдесят – двести килограммов максимум, а они явно тяжелее. А остальное – да... Поэтому я здесь стараюсь ничего мелкого и легкого не держать и не забывать.

– А кот? – почему-то спросил Слава.

– Кот выманивается с помощью молока и брауншвейгской колбасы, никакой другой не ест, зараза... – ворчливо отве-

тил Федерико и неожиданно добавил, – если не участвует в эксперименте, конечно...

Прохоров поглядел на кота, потом на его хозяина:

– И что рассказывает?

– Он не говорит, потому, как не умеет, – угрюмо пошутил праправнук, – только письменные отчеты предоставляет...

Они так и стояли на самом краю... не знаю, как правильно сказать – комнаты или машины времени.

– Может, по русскому обычаю, – предложил Горностаефф, – пройдем на кухню?

Наш герой испуганно глянул по сторонам, идти насквозь через машину (комнату) как-то нога не поднималась.

– Нет, вот эта дверь... – радушно предложил Федерико и жестковато добавил, – я же вижу, вы боитесь, хотя бояться решительно нечего, пока мотор не включен и вон та ручка, – он подбородком указал на рычаг у дивана, не повернута, ничего даже теоретически не может произойти...

Прохоров промолчал, они вернулись в коридор, сняли куртки и молча прошли на кухню, где хозяин всё так же молча включил электрический чайник, потом полез в холодильник.

Слава через его плечо заглянул внутрь.

Мышь на верёвочке не висела, на двери стояло полбутылки молока, а на второй полке скучали без друзей два небольших свертка.

– Чай? Кофе? – спросил Горностаефф. – Сыр? Спаржа?

– Спаржа? – не понял Прохоров, который раньше никогда не слышал, чтобы к чаю или кофе предлагали овощи.

– Угу... – кивнул Федерико. – Я её очень люблю и ем со всем, что только существует на свете. Да, хлеба нет, я его недолюбливаю...

– Мне сыр... – решительно сказал наш герой. – И чай... – затем сменил тему. – Расскажите про ваши опыты... – и вежливо добавил, почувствовав, что повёл себя как начальник, – пожалуйста...

– Предметы, если отправляешь их на пять-десять минут, исчезают и возвращаются точно в срок там, куда их ставишь перед отправкой. На более ранние сроки не отправлял, потому как не знаю, кто здесь жил и как отнесётся местное население к невесть откуда взявшемуся яблоку или блюдцу. Во всяком случае, проверить ничего не удастся, вряд ли предметы простоят на своём месте пять лет...

Чайник вскипел, и Горностаефф полез на полку возле холодильника, достал чашки, ложки, сахар и две баночки – одну с чаем, вторую с кофе.

– Кот, посланный на сто лет назад, – буркнул он, – не вернулся, да и не должен был...

Прохоров при слове «кот» глянул на дверь, за которой вроде бы только что видел животное, на что был тут же вознагражден репликой:

– Это его брат... Вот всё, что нужно, кладите, сыпьте, берите... – Федерико и сам начал разливать и раскладывать,

не переставая рассказывать. – Только недавно я допетрил до совершенно простой вещи, что рычаг, включающий машину, должен быть не только снаружи, но и внутри...

Наш герой резко поднял голову от чашки с чаем и недоуменно посмотрел на хозяина. Однако тот ничего не заметил и продолжал:

– Только вот сдуру купил как-то на рынке целую связку ручек от «Жигулей», дешёвые, удобные в руке и мне как раз по росту, однако они всё время отламываются... Две уже выкинул, ещё несколько осталось...

– Означает ли это, – напряжённо спросил Слава, – что вы сами ни разу ещё ни в прошлое, ни в будущее не путешествовали?

Федерико поднял глаза от чашки, несколько секунд разглядывал своего прапрадеда.

– Ну да, – сказал он после этого, – раз ручка снаружи, значит, я управляю, а не перемещаюсь. А раз эта всё время ломается, то, вроде, выходит, мне это ни разу и не удалось... Однако это не так, на короткое время я перемещался. Вдруг всё темнеет вокруг и ты, судя по часам, оказываешься на полчаса раньше... Тут ещё трудность, чтобы меня в этот момент дома не было, а то получится петля времени, а её не расхлебашь...

– И как же вы потом совпадаете? – хотя Прохоров очень, просто жгуче, хотел спросить про другое, но пока задал этот вопрос.

– Не знаю... – честно признался праправнук. – Может, я из того времени исчезаю, когда подхожу к дверям квартиры, может, ещё как-то это происходит... Вы хотели что-то другое спросить, я вижу...

В другое время Слава бы изумился странному сочетанию тонкой чуткости и всепонимания, которые демонстрировал Горностаефф, с тем, что он каких-то простых вещей не замечал и не чувствовал.

Но сейчас его раздирало возмущение, так что ничего тонкого и полускрытого он сам не замечал.

И возмущение это, наконец, прорвалось наружу:

– Значит, вы на полчаса, а меня на недоделанной машине – на сто лет, так получается?

Встал утром Прохоров с головной болью от недосыпа, но... с хорошим настроением. Первое легко, хотя с каждым прожитым годом всё труднее и труднее, побеждалось таблеткой обезболивающего, душем и крепким кофе, со вторым было сложнее.

Слава и любил, и не любил одновременно состояние такого драйва, которое у него было в это утро. Любил понятно почему – как-то так Бог устроил человека, что ему важно и нужно хотя бы изредка вставать на лыжи и с бешеной скоростью спускаться с горы. Дело даже не в том, к чему это приводит – удачной сделке, выпеченному сложнейшему кулинарному изделию или законченной книге, это всё важно. Но важней, почему-то не результат, а процесс, адреналин в крови, уверенность в своих силах, готовность к любым неожиданностям.

Зов предков или милость Божья?

Кто знает, так есть, и всё...

А вот почему не любил? У Губермана есть такой «гарик»:

Бывает – проснешься, как птица,
крылатой пружиной на взводе,
и хочется жить и трудиться;
но к завтраку это проходит.

Вот поэтому, как-то с годами пыл юношеский утихает, любовью пафос, а в таком драйве пафоса полно, кажется нелепым, а ты сам, если попадаешь в него – несуразным и смешным. Нет, без него нельзя, но насвистывающий что-то бравурное во время бритья (он иногда подбривал себе щеки, чтобы не казаться неухоженным и брошенным) наш герой показался сам себе в зеркале настолько глупым, что даже щёку порезал, чего не случилось с момента ухода от Варвары.

Хотя радоваться, если по большому счету, было с чего. Всю ночь, даже пока он спал, крутился в голове у Прохорова эпизод из фильма «Девять дней одного года»...

... смотри-ка, получается, Федерико прав, но не дошёл до конца. Не только филологи, все мы мыслим не словами, а картинками и цитатами, вон на полторы минуты вторая ссылка...

... эпизод из фильма «Девять дней одного года», в котором молодой Баталов, узнав, что облучился и скоро умрёт от радиации, говорит врачу: «Если есть какое-то средство, пусть непроверенное, но хоть какая-то надежда на него имеется, согласен, пробуйте на мне...». Конечно, в фильме слова были другие, но смысл – именно такой, наш герой помнил это хорошо, точнее, вспомнил вчера вечером, фактически ночью, после тридцати лет, прошедших с последнего просмотра, и с тех пор все время картинка повторялась в сознании, как гифка на компе.

Горностаефф вчера после наезда прапрадеда честно предложил поменяться местами.

– Кто-то должен быть здесь... – затряс руками он, явно обижаясь, что его заподозрили в трусости и бегстве от собственного эксперимента. – Мало ли что может случиться, ручка та проклятая опять обломится. А ведь она – единственное связующее звено между тем временем и этим, если её потерять, то назад не вернешься уже никогда. Машина ведь в нашем времени находится, она как бы выбрасывает тебя в другое, как рак метастазы, но сама-то тут. И если ручка отломится или просто ударишься и забудешь, где она – всё, Ka mate! Что по-маорийски, означает – «сдохнешь», точнее, «я сдохну», но это не имеет значения, как кажется... Поэтому кто-то должен быть здесь, вон в той комнате, чтобы, если что пошло не так, дёрнуть ручку и вернуть пассажира назад... Я потому к вам и обратился, что вы мне поверили, а с какой стороны ручки буду, мне всё равно, даже туда, назад, интереснее...

– Ну, почему обязательно сдохнуть? – задумчиво сказал Слава, запал его как-то неожиданно прошёл. – Там тоже люди живут.

– Я догадывался, что и вы там побывали... – удовлетворённо кивнул Горностаефф. – И это ещё одна причина была искать именно вас...

Запал его тоже прошёл и говорил он совершенно спокойно.

– А окно зачем? – спросил Прохоров, – Для наблюдения над перемещаемыми предметами?

– Вроде того...

Порешили, что опыт пройдёт после обеда послезавтра. Федерико должен был что-то там доотладить в машине.

А Прохоров завтрашний день себе брал на то, чтобы походить по антикварным, подобрать костюм, обувь, документы и, самое главное, купить старых денег. И русские деньги, которые здесь могли пригодиться, и документы, сделанные для него Володей, остались в Москве...

Нет, он не собирался сразу бежать на сто лет назад, надо было сначала освоиться и осмотреться, и в любой момент иметь возможность вернуться, но мало ли что могло произойти?

А следующие полдня Слава собирался истратить на то, чтобы посетить блошинный рынок на Тиргартен. Мало того, что он был одним из немногих, которые работали в субботу, так ещё и сравнительно недалеко и от гостиницы, где расположился наш герой, а от Кантштрассе ещё ближе. Горностаефф даже вручил прапрадеду вторые ключи от своей квартиры, чтобы не таскать закупленное далеко, а доставлять его сразу к месту будущего действия.

Потому что перед Прохоровым на рынке стояла та же задача, что и при посещении антикварных магазинов – хорошо подготовиться к визиту в прошлое. Пишу «хорошо», а не тщательно, потому что по уму следовало бы не гнать коней,

а сделать всё основательно и подробно.

В Берлине было не менее сотни антикварных магазинов, и как минимум пять блошиных рынков. Смешно было думать обойти первые за один день, даже если взять на целый день такси и смотреть и спрашивать только три вещи: документы, одежду с обувью и старые деньги. Ну, пятнадцать, от силы двадцать, если выкатить глаза из орбит и закусить язык – тридцать. И то, только потому, что в этом городе, как во всех крупных европейских городах, часть таких магазинов располагались кустами – по нескольку на одной улице или на одном перекрёстке. Как на той же Кайтштрассе, где их было, наверное, с десяток.

Потом в переулке, название которого Прохоров так и не смог запомнить, ну там, где Кудама кончается, начинается другая улица, и с неё направо, там тоже десяток, а то и больше магазинов есть.

Но ведь остальные восемьдесят-сто раскиданы по всему городу...

А пять рынков – это как?

Тем более, что все они работали только в воскресенье, один Тиргартен, как сказано уже, и в субботу. А обойти каждый из них – без ног останешься.

А на рынки – как раз самая надежда. Конечно, магазины часто торгуют всяким хламом, например, на той улочке, что справа после Кудамы. Но чтобы в таком количестве и с таким выбором, как на блошиных, – ни один магазин не сравнит-

ся...

Прохоров бывал на двух из пяти рынках, но тогда почти ничего купить не смог – другая задача. Он в те разы искал редкого, коллекционного, что продавец просто не понимал или по неопытности не опознал и поставил дешёво.

А сейчас он собирался, с точки зрения профессионала, за мусором. Его интересовало то, что приличный дилер даже в подарок не всегда возьмет, а такого, по памяти, на подобных рынках было в избытке...

Так что правильно было бы назначить первое перемещение на понедельник, успев посмотреть хотя бы пару, а лучше тройку развалов.

Но решили так не делать, а рвануть, как только что-то найдётся...

Потому что невтерпёж...

Однако в пятницу в магазинах Слава не преуспел.

Целый день истратив на шатание по антикварным лавочкам, Прохоров в итоге купил... фактически только ботинки. Правда, в одном месте ему пообещали целую кучу немецких денег (выходило чуть ли не двадцать тысяч марок) начала века, но поскольку хлам этот валялся у хозяина то ли дома, то ли на складе, а в субботу его заведение не работало, договорились встретиться завтра на Тиргартене.

Ну, ещё две с половиной тысячи наш герой купил в другой лавочке, и всё, все победы...

Для начала, конечно, должно было хватить – сходить в прошлое, посмотреть и вернуться, но для серьёзных планов, которые строил наш герой, – не то, что не разгуляешься, даже думать не начнёшь...

Если насовсем, о чём тайные мысли бродили, – то нужно собрать хотя бы тысяч двести...

Конечно, там, в Новой Зеландии, его ждут дочь, зять, внуки и немало денег. Но как-то садиться на шею родственникам было противно, Прохоров привык ходить сам, своими ногами и даже самые благожелательные подачки не казались ему правильными. Тем более, если все возможности самому себя обеспечить есть...

Наверное, правильно, стратегически выстроить так: схо-

дить один раз, понять, куда и в когда попадаешь, понять, хоть приблизительно, что нужно ещё, кроме того набора, который принёс нашему герою московский опыт, вернуться обратно.

А уж потом исчезать навсегда...

Никто в нашем времени, как понимал Прохоров, его искать не будет, разве что Упырь, обнаружив отсутствие кредитора, начнёт носиться по знакомым, ища, кому бы отдать деньги, но, узнав, что Слава уехал к родным в Америку и не возвращался, успокоится. И начнёт складывать долговые деньги отдельной стопочкой, даже в самый тяжёлый момент не смея к ним прикоснуться...

И всё...

Кому он ещё нужен там, в Москве начала двадцать первого века?

А уж тем более в Бостоне или здесь, в Берлине...

Пока непонятно было – ставить ли праправнука в курс, когда Прохоров двинется в прошлое насовсем. Но решение этого вопроса наш герой откладывал на потом, решив посообщаться с тем, что получится и как завяжется. Пока отношения с Федерико строились неплохо, однако были в его характере черты, которые даже малость пугали нашего героя.

В общем – как получится...

Честнее, конечно, предупредить, но вдруг Горностаефф тоже собирается туда? Он ведь частично маори, язык их, похоже, знает, ему там, в Новой Зеландии, не может не нравиться и всё должно быть сподручно и удобно. Правда, воз-

никает проблема с петлей времени, но это праправнук может и должен решать сам...

А вот лучше в начале своего пребывания в прошлом им быть вдвоём или Славе остаться одному, это уже его, Прохорова проблема, которую, правда, решать пока рановато...

Тем более, что совсем не факт, что он вот так прямо и рванёт в этот самый Крайстчерч. У него в голове роились и другие планы. Он пока даже приблизительно не представлял, где искать Надежду, но точно знал, что этим займётся. Проще всего было просто сгонять в Москву, постучаться в знакомую дверь, но попасть из огня да в полымя, из родной тоски современного мира в чужую каторжную? «Поведут с верёвкой на шею полюбить тоску...»

Нет, к этому Прохоров был не готов.

Тогда может договориться с праправнуком, чтобы он съездил? Написать Наде письмо с доказательствами того, что оно его, Прохорова, поскольку почерка она не знает?

Но ему-то, Федерико, это зачем нужно?

Да и вообще – для чего он эту машину строил?

Чтобы доказать себе, что может? Глупо, а на глупца он не похож...

Чтобы представить всему учёному миру и получить Нобелевскую?

Да тоже какая-то версия хилая – честолюбием от праправнука не пахло...

Смотаться назад, чтобы подружиться с Эйнштейном и

подсказать ему его теорию относительности?

Или чтобы переспать с какой-нибудь Айседорой Дункан?

Ну, кто ж его знает...

Понять пока трудно, даже невозможно, но время покажет, если сам реципиент (не факт, что термин уместен, но почему-то выскочил из памяти) не расколется...

В общем – в долгий ящик...

А возвращаясь к тому, как двигалась подготовка, к тому, что касается остального – одежды и документов, нужно сказать, что тут нашему герою просто не повезло.

Документ он хотел приобрести не немецкий (довольно трудно себе представить интеллигентного немца, который не говорит и не читает-пишет на своем родном языке), а русский или английский.

А попадалась всё время одна немчура...

Был в одном магазине предложен и русский паспорт, но на имя какой-то Евграфовой Олимпиады Станиславовны, судя по сочетанию имени, фамилии и отчества – солидной, в теле купчихи, а выдавать себя за даму, тем более такую солидную, совсем не хотелось.

В остальном на вопрос «русские документы» выкладывались какие-то счета, бухгалтерские книги и списки личного состава воинских частей, стоявших тут при совке и сгинувших, не забрав с собой даже архивов. Наверное, если бы Прохоров был не антиквар, а архивист, или два в одном, следовало собрать всё это. Потому что – ценнейший историче-

ский материал, кучу диссертаций можно защитить на таких подборках...

Но...

Но Слава никак не мог приучить себя к тому, что современность – это просто ещё не созревшее прошлое и что и сегодня можно что-то считать антиквариатом в смысле редкости, важности и неизученности...

Поэтому он каждый раз с благодарной улыбкой, но отрицательно качал головой и шёл в следующий магазин.

Лелея надежду на завтрашний блошинный рынок...

С одеждой тоже всё не задалось: в каком-то смысле тришкин кафтан. Модель подходит, размер не тот. Размер тот – только судя по лейблу, годы тридцатые. Время годится и размер тоже – не село, Прохоров в костюме и штанах выглядит огородным пугалом.

И так до бесконечности...

А ещё ведь все время приходится объяснять недоумевающим продавцам, зачем солидному русскому старинная одежда нужного размера. В изначальную версию для кино, несмотря на тросточку в руках, почему-то никто не верил, поэтому пришлось использовать слово, которое подсказал русский таксист, глядя на мучения своего пассажира. «Wettspiel» – победно говорил теперь Прохоров в ответ на недоуменный взгляд продавца...

Но, наверное, таксист не был большим специалистом в немецком. Потому что в ответ брови продавцов взлетали

ещё выше, однако по некотором размышлении своих хозяев опускались обратно, а затем всё лицо расплывалось в улыбке. Слово составленное, как пояснил всё тот же таксист из двух немецких «спор» и «игра», для них было явно новым, но они его понимали, и начинали искать и помогать...

Однако и дружелюбие немцев никак не спасало, если нет нужного товара, как ни старайся, всё равно его не продашь...

Прохоров без сил (настолько, что даже пытаться читать не стал) вернулся в гостиницу и снопом повалился на постель, всю надежду свою вложив в завтрашний поход на Тиргартен.

А там как раз и поджидала его катастрофа...

Это утро было в точности похоже на предыдущее, только с другим знаком. Спал Прохоров, как убитый, выспался отлично, головной боли не было, а настроение зато – отвратительное.

И причин для этого было.

Во-первых, болело все тело. Вчерашние упражнения – согнуться, разогнуться, влезть в машину, вылезти из машины, согнуться, разогнуться, влезть в машину, вылезти из машины, плюс примерно пять километров пешком – вполне хватило, чтобы непривычные уже к таким напряжениям ноги, руки, а также остальные мышцы дружно взвыли и отказались слушаться...

Когда-то давно такой пробег для Славы был почти ежедневной нормой, так, чуть голени и бедра постанывают к вечеру. Однако семь часов здорового сна снимали ту усталость разом.

Но те времена давно прошли...

– Ты знаешь, – говорил нашему герою в Москве знакомый врач, – возраст проявляется не только в том, что ты быстрее устаёшь, но и в том, что медленнее восстанавливаешься...

Прохоров знал...

И очень хорошо знал...

Особенно после своих двух инфарктов, после которых

ему тем же врачом разрешались только небольшие, хоть и обязательные физические нагрузки. А большие – ни-ни, и после таких дней, как вчера, Слава понимал почему...

Потому что усталость плюс бесконечный адреналин в крови – это как-то чересчур, и держался Прохоров только на палящем желании как можно скорей попасть в вожаемое «туда».

И это была ещё одна причина для отвратительного настроения нашего героя. Всякие мелочи вчерашнего дня, вроде неудач в покупках мы вообще поминать не будем. Но вот надежда и страх в одном флаконе – это да...

Надежда на попадание в нужное время (с местом, куда потом двинуться – решим)...

И страх ошибиться на пару десятков лет. Пяти или семилетняя девочка Надежда Мандельштам нашего героя интересовала мало, и ждать двадцать лет, когда зять с дочерью придут в Новую Зеландию – не климатило. А если в другую сторону – тоже здорово – Надежда уже в сталинской тюрьме, вокруг ликующие, только что пришедшие к власти фашисты – куда как весело...

А ещё – надежда на то, что удастся вписаться в ту эпоху...

И страх попасться с чем-то несуразным первому же полицейскому и провести остаток дней хорошо, если в немецкой тюрьме, а ведь можно оказаться и на русской каторге?

А к тому же надежда на то, что вдруг машина Федерико работает не день в день и тогда может случиться, что Володя

с Маринкой и детьми еще в Берлине (молчаливо предполагалось, что место прибытия при перемещении во времени не меняется). И можно дойти до «Клаузевиц» и упасть к ним на хвост – они-то уже две недели в той эпохе, уже прижились как-то, а он – новичок...

И страх, что в тот момент, когда он попадет в прошлое, именно в этой комнате будет, хорошо, если обед простой бургерской семьи, и семья, прежде чем завизжать и начать кидаться тяжёлыми предметами, в изумлении уставится на незваного гостя. А что если пьяная драка трое на трое? Почему бы шестерым пьяным немцам не объединиться, чтобы прирезать или просто прибить трезвого и непрошеного русского?

Такие антитезы можно было бы ещё приводить и приводить, но автор надеется, что и так уже понятно, почему и с этой стороны нашему герою было не сладко. Попробуй, поживи, когда то, что тебя сильнейшим образом тянет и манит, одновременно тебя же и пугает до судорог...

В общем – вода в раковине и душе не мокрая и не той температуры, завтрак невкусный, кофе жидкий и не бодрит, идти до Тиргартена далеко, а ехать на машине глупо, и ничего купить сегодня не удастся, это и так понятно.

И придется двигать в прошлое неподготовленным...

И хотя сам Тиргартен его порадовал, несмотря на почти зиму, продавцов было множество, а Прохоров боялся, что по холодной (по местным понятиям) погоде никто не придет,

все же настроение не улучшилось.

Бесконечные ряды с советским и гедзеэровским фарфором, значками, целым и битым стеклом, дурацкими картинками, никому уже не нужными компакт-дисками, старыми бумагами, и даже мебелью тянулись так далеко, что Славе вчерашняя перспектива оказаться к обеду без сил начала казаться не только реальной, но и единственно возможной.

В бумажном ряду его ждало очередное разочарование. Единственный русский паспорт, который удалось найти, был нужного года, и на мужчину, и даже время выдачи подходило. Вот только возраст в нем был указан – восемьдесят шесть лет, на что сам Прохоров никак не тянул. Да и рост владельца никак не подходил – десять с половиной вершков это, как помнил наш герой, значило два аршина плюс эти самые десять с половиной, те, на сегодняшний день примерно метр девяносто. Слава с его метром семьюдесятью тремя явно в эти аршины и вершки не вписывался.

Повертев в руках бумаги, наш герой задумался.

Если он больше ничего не найдёт, то может купить и этот? Возраст был написан цифрами, но какой немец поймёт, что именно обозначают эти восьмерка и шестерка? Ведь годы были указаны именно так, а не датой рождения... А рост в аршинах и вершках местный полицейский в привычные сантиметры вообще никогда не переведёт.

В конце концов, пять евро – не деньги...

И Прохоров, скрепя сердце и скрипя зубами от собствен-

ной неvezучести, купил русский паспорт. А заодно и немецкий, на имя какого-то Иоахима, фамилию он так и не разобрал...

Он двинулся дальше, намереваясь пройти к рядам, где торговали одеждой, но тут увидел, что с той стороны улицы ему машет человек, который вчера обещал принести для него двадцать или даже больше тысяч марок начала двадцатого века. Слава хотел перейти на другую сторону, когда заметил, что на соседнем лотке продаются книги.

И одна показалась ему знакомой...

Как тут удержаться?

Он подошёл...

На столике среди какого-то отребья наш герой действительно увидел прежде виденный корешок.

Протянул руку, взял, посмотрел.

Нет, не ошибся – «Альманах Библиофила» 1929 года, один из трехсот экземпляров, как его занесло сюда в Берлин?

– Сколько стоит? – спросил он по-русски и одновременно потёр большим и указательным пальцами друг о друга – международный, как ему казалось, жест, обозначающий вопрос о деньгах.

Но немец понял. Заулыбался и сказал радостно:

– Ахтциг евро...

Примерно сто десять долларов...

Цена смешная, но и книга не нужная, продать её за мало-мальски серьёзные деньги (может, даже и за штуку, мо-

жет, даже и евро) получится только в России, а туда наш герой в ближайшие годы не собирался.

Но и не купить глупо, всё-таки книга, а не макулатура, как на всех соседних прилавках.

– Подумаю... – сказал Прохоров и протянул книгу обратно владельцу.

И в этот момент услышал за плечом голос, который меньше всего ожидал здесь услышать:

– То есть, книжечку у меня стырил, – насмешливо сказал Горох, – а теперь на моем же горе наживаешься?

Возможно, даже скорее всего...

Если бы утро не было таким поганим...

Если бы не болело всё тело...

Если бы кофе было густым, а вода мокрой...

Если бы Тиргартен был под боком и до него не пришлось бы идти...

Если бы моментально нашёлся паспорт с нужными данными...

Но это всё о прошлых бедах, а были ещё и не беды, а так, метафизические сложности, наслоившиеся на эту ситуацию.

Например?

Например, деньги в кармане и в Москве.

Прохоров, несмотря на свои весьма приличные заработки, всю жизнь прожил или в долг, отдавая с процентами, или около того, когда на завтра есть, а на послезавтра уже вполне может не хватить. Поэтому когда, благодаря Володиным заботам, у него появились несколько сот тысяч долларов наличными, он почувствовал себя совершенно иначе, чем чувствовал все свои шестьдесят лет.

Нет, ощущения, что он держит Бога за бороду, у него не образовалось, но как-то плечи расправились, глаза смотрели по-другому, даже походка изменилась.

И это естественно: одно дело, когда ты знаешь, как решить

ситуацию, понимаешь, кому дать и сколько, чтобы всё было правильно и по-твоему, но то, что нужно дать, ещё необходимо найти. Обзвонить нескольких знакомых, выслушать от некоторых дурацкие разговоры, что вот, дескать, жизнь прожил, а даже паршивой десятки не нажил, потом ехать куда-то, почему-то всегда на край земли, пить чай и ждать, когда благодетельствуют...

Совсем другое, когда нужную тебе сумму ты извлекаешь, выдвинув известный только тебе ящичек в... нет, не будем раскрывать чужих секретов и рассказывать, где деньги лежат. Думаю, и так понятно, что самооценка, несмотря на бостонские приключения, в последние месяцы у Прохорова изменилась.

Ещё к метафизическим сложностям, сыгравшим немалую роль в нашей истории, следует отнести Славино местопребывание. Причём надо учитывать не только то, что уже месяца два он болтался за границей, но и то, что последние недели провел в Берлине, в котором бывал не раз, который любил, даже как-то знал и чувствовал его почти родным. И Прохоров хорошо понимал, даже, скорее, не понимал, а ощущал кожей, что здесь (не только в Германии, но и раньше в Штатах) не Россия и не Москва, что здесь домашние правила не действуют, что здесь есть полиция, которая действительно ловит преступников, а не действует заодно с ними или конкурирует в деятельности и получении прибылей.

Ещё в том же метафизическом ряду была Славина уста-

лость. Не отвратительное настроение сегодняшнего утра, а давняя, поселившаяся ещё со времен жизни с Варварой общая усталость.

Оттого что, несмотря на все знакомства и связи, ты всё равно – маргинал (это бы Бог с ним), живёшь на краю обрыва, и столкнуть тебя туда по большому счёту не представляет труда. Как это происходит, Прохоров видел не раз, и вероятность разделить судьбу покалеченных, посаженных, просто разорённых знакомых и товарищей всегда давила на плечи...

Оттого что никогда нет денег, оттого что глупая курица, их нещадно мотающая, тобой бесконечно помыкает, а уйти ты не можешь, потому что сам себе слово дал, оттого что, наконец, ушёл и остался совсем один.

Оттого что впервые, кажется, в жизни появившийся друг в лице зятя далеко, и навсегда далеко, и увидеться с ним ты никогда не сможешь...

Оттого что и женщина, которую полюбил на старости лет («О, как на склоне наших дней нежней мы любим...» и так далее), тоже ушла навсегда, и ты в самом лучшем случае можешь только что-то узнать о её жизни.

Оттого что бостонские ребята оказались такими отличными и далёкими, и ты опять остался один...

Оттого, что и сейчас ты неизвестно, куда прёшься, и никто не знает, куда попадёшь...

Оттого, что в шестьдесят лет уже пора знать, какие пряники ты любишь и именно их покупать, а у тебя впереди только

неясность и непредсказуемость... И если в двадцать в этой непредсказуемости самый кайф и драйв, если в сорок она – всё ещё символ мужества и силы, то в его годы это просто усталость от неустроенности и как-то косо прожитой жизни...

В общем, страшная смесь первых пяти пунктов со вторыми плюс реплика Гороха, обвиняющая в воровстве, сыграли свою роль, и наш герой взорвался.

Что Прохоров в тот раз сначала говорил, а потом почти кричал, он сам никогда вспомнить не мог. Автор при этом тоже не присутствовал, но по показаниям некоторых свидетелей смог примерно восстановить тронную речь нашего героя.

Вот она:

– Я украл твою книгу? – взвился Слава, – Давай я сейчас за неё заплачу сто долларов этому немцу, а потом отдам тебе, но только с условием, что ты её тут же при всех засунешь себе в жопу... – Прохоров кивнул ободряюще оторопевшему хозяину «Альманаха» и даже попытался улыбнуться ему, потом продолжил. – Будет трудно, понимаю, пять сантиметров толщины, как здесь на настоящем экземпляре, а не три с половиной, как на твоём репринте, это нелегко, но если потренируешься – получится... Зато, может быть, раз и навсегда усвоишь, что на белом свете есть люди, которые за твои поганые бабки не собираются вылизыванием готовить твой задний проход к принятию правильного содержимого.

Откуда вы все только напознали такие – министры, депутаты, сенаторы, «лидеры промышленности», удачливые финансисты и просто успешные менеджеры на нашу голову? Мы вас не звали, а если ты приходишь незванным в чужой дом, имей такт не срать посреди комнаты, а вежливо спросить, где туалет. Я понимаю, что вы так не привыкли, сомневаюсь, что и слова такие знаете, думаю, что и с грамотой и с просто умением читать у вас также проблемы, а вы привыкли решать их с помощью ножа и топора, но Бог-то всё видит...

Наш герой уже давно понимал, что переступил черту, что Горох, который вполне возможно, просто так глупо пошутил, потихоньку становится синим от бешенства. Что теперь этот самый «лидер строительной промышленности» просто поставлен им, Прохоровым, в положение, когда он не может простить и не заметить, что молчит он и трое немаленьких хлопцев за его спиной только от неожиданности, но остановиться уже не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.